

Александр Михайловский
Александр Харников

ПРИЗРАК ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Ангелы в погонах

Александр Михайловский
Призрак Великой Смуты

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Призрак Великой Смуты / А. Б. Михайловский — «АСТ»,
2018 — (Ангелы в погонах)

ISBN 978-5-17-110336-1

Объединенная эскадра флота Российской Федерации, вышедшая в конце 2012 года к берегам Сирии, неведомым путем оказалась в октябре 1917 года. А вместо Средиземного моря она попала в море Балтийское. Разбив германскую эскадру у Моонзунда, они направились в Петроград и помогли большевикам взять власть. Но власть еще требуется удержать, а также не допустить сползание страны в пучину Гражданской войны. А вот это сделать не так-то просто. Слишком многие противники Советской России желают развалить государство, посмевшее бросить вызов мировой плутократии. «Пожарной командой», которая мечется по просторам великой страны, стараясь загасить угольки, из которых может вспыхнуть пламя братоубийственной войны, стал Корпус Красной гвардии, возглавляемый полковником Бережным. Сформированный как из «попаданцев», так и из офицеров и солдат бывшей русской армии, он наводит порядок на Дальнем Востоке, в Закавказье и даже в Персии и Ираке. Советское правительство решает внешнеполитические задачи, борется с заговорами и мятежами. «Великой Смуты» на одной пятой части земного шара быть не должно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110336-1

© Михайловский А. Б., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Октябрь. Призрак Великой Смуты**

© Александр Михайловский, 2018

© Александр Харников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина.

Пролог

Все началось с того, что неведомо как в осеннюю Балтику 1917 года была заброшена эскадра российских боевых кораблей из XXI века. Она оказалась у берегов острова Эзель в тот самый момент, когда неподалеку от нее германская эскадра приготовилась к высадке на острова Моонзундского архипелага. Адмирал Ларионов не колебался ни минуты – ударом с воздуха кайзеровские корабли были потоплены, а десантный корпус практически полностью уничтожен.

Ну, а потом люди из будущего установили связь с большевиками: Сталиным, Лениным, Дзержинским и представителями русской военной разведки генералами Потаповым и Бонч-Бруевичем.

В результате вмешательства «попаданцев» власть перешла к большевикам. Все произошло тихо и буднично, без стрельбы и прочей пиротехники. Самое трудное было потом.

Нужно было бороться с врагами, как внешними, так и внутренними. Причем и те и другие смертельно опасны. Бывшие товарищи по партии стали неожиданно злейшими врагами. Правда, излишним гуманизмом большевики и их новые союзники не страдали. Под огнем пулеметов погибли люди Троцкого и Свердлова, мечтавшие разжечь «мировой пожар в крови».

В Риге, после того как с помощью пришельцев из будущего была разгромлена 8-я немецкая армия, заключили мир с кайзеровской Германией. В Киеве войска Красной гвардии разогнали Центральную раду. Разоружен Чехословацкий корпус, который уже не думает поднимать мятеж против власти Советов.

В Мурманске разгромили эскадру британских кораблей, которые решили «навести порядок» на Русском Севере. Большевики пришли к власти в стране всерьез и надолго. Работы было невпроворот. Но, как говорил глава Советского правительства Сталин, «нет таких крепостей на свете, которые не смогли бы взять большевики!»

Часть 1

Даурский фронт

22 января 1918 года. Петроград, Таврический дворец. Руководитель ИТАР Александр Васильевич Тамбовцев

Подготовка к всеобщим выборам в Советы шла полным ходом. И значительная часть этой огромной работы легла на плечи нашего Агентства. Поскольку телевидения здесь еще нет, пресса в информационных войнах играет роль тяжелой артиллерии РКК. В первую очередь нам требуется качественно преподнести электорату – тьфу, до чего я не люблю это слово – наших кандидатов и постараться посильнее лягнуть конкурентов. В поте лица вкалывают все – и Сталин, и Ленин, и другие вожди большевиков. Ирочка Андреева заработалась так, что Иосиф Виссарионович на меня косится – дескать, совсем заездил девку – креста на мне нет.

Но мы знали только одно – нам требуется победить, причем победить с огромным перевесом все остальные партии. Лишь тогда, опираясь на легитимное большинство во всех органах власти, мы сможем дожать своих оппонентов и, не оглядываясь больше ни на кого, проводить свою политику.

Кстати, как и в нашей истории, партия эсеров снова раскололась на правых и левых, и левые эсеры опять взяли курс на союз с большевиками. Сколько времени продлится у них эта бурная страсть – пока неизвестно. Дальнейший дрейф этой партии влево приведет ее на позиции, близкие к анархо-синдикализму. Ведь ее лидер, Мария Спиридонова – особа со сдвигом по фазе, экзальтированная и почти неуправляемая.

Но это все будет потом, а сейчас левые эсеры льют воду на нашу мельницу, отбирая симпатии у своих правых собратьев и анархистов.

Но парламентские дрязги и интриги – это так, это все больше для виду. Главная же работа нас ждет на местах. Причем в этой реальности в основном бороться придется не с отрядами белогвардейцев, а с теми, кто называет себя большевиками и их союзниками, в действительности не имея ни к тем, ни к другим никакого отношения.

Дело в том, что наша власть сильна в больших городах, индустриальных центрах. А в глубинке же часто правят бал всякие прохвосты, которые записались в пламенные революционеры с единственной целью – под шумок вволю пограбить, покуражиться, поизгаляться над теми, кто раньше бы таких люмпенов и на порог дома не пустил.

Ну, даст бог, с этими «большевиками» мы управимся. На них у нас есть ведомство товарища Дзержинского, которому с бонапартами уездного разлива вполне по силам справиться. В основном нас беспокоили те дела, которые происходили за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вот там работы непочатый край. Сибирь будет для нас крепким орешком. Крестьянство там испокон веков не знало крепостного права и помещичьего землевладения. На безземелье сибирские мужики тоже никогда не жаловались. Народу там мало, а земли полно. Бери, сколько сможешь, если только у тебя хватит сил раскорчевать и распахать дремучую тайгу. Поэтому Декрет о земле, который всколыхнул европейскую крестьянскую Россию, за Уралом мужиками был почти не замечен. Рабочий класс там тоже малочисленный. В основном сибирский пролетариат состоял из тех, кто обслуживал тамошние железные дороги и речные пароходы на Оби, Енисее и Амуре.

К тому же издавна Сибирь была тем местом, куда царское правительство отправляло всякого рода возмутителей спокойствия, как политических, так и уголовных. Политические, правда, после того как в феврале семнадцатого им всем была объявлена амнистия, в основном подались туда, где их замела царская охранка. Лишь некоторые, успевшие жениться на мест-

ных и обрасти жильем и хозяйством, остались в Сибири. А вот уголовнички, или, как их еще называли, «птенцы Керенского», тоже угодившие под амнистию, домой не заспешили. Им в Сибири понравилось. Тем более что, нахватавшись у своих сокамерников – политических – трескучей революционной фразеологии, они быстро поняли, что к чему, и стали пробиваться во власть.

«За что боролись, за что кандалами звенели!» – орали они перед местными обывателями. А обыватели и не догадывались, что стоящий перед ними «страдалец за народную свободу» загремел в Сибирь-матушку не за борьбу с самодержавием, а за грабежи и разбои. А то и за душегубство.

С этими властями в Сибири, на словах – большевистскими, а на деле – бандитскими, нам тоже придется воевать не на жизнь, а на смерть. Это не прекраснородушные интеллигенты, мечтающие об эфемерном «царстве свободы», а засиженные варнаки, для которых человека зарезать – что высморкаться. Такие типы привыкли решать все проблемы с помощью ножа и кистеня, а в случае опасности сбиваться в стаи.

Настоящих же, «идейных» противников советской власти в Сибири было сравнительно немного. К сожалению, их число увеличивалось из-за беспредела вчерашних уголовников, а нынешних «большевиков». Поэтому-то борьба с последними и была для нас так важна.

Значительно облегчало положение лишь то, что по Транссибу не следовали эшелоны с Чехословацким корпусом. То есть не было той реальной военной силы, которая в нашей истории свергла советскую власть (какая бы она ни была) по всей Сибири и разожгла пожар гражданской войны на огромных территориях. Чехословацкие части были заблаговременно разоружены Красной гвардией, и их солдаты и офицеры сейчас частично готовились к отправке на Западный фронт через Швецию и Норвегию, а частично вступили в Красную гвардию, образовав сводный чехословацкий батальон. Те же из них, кому война окончательно осточертела, осели в России и на правах обывателей занялись частным бизнесом, не имея никакого желания вступать в российские политические разборки.

А вот в Забайкалье и на Дальнем Востоке нам еще предстоит повоевать за власть. Там заварилась такая каша, что с ходу понять «кто есть кто» для нормального человека просто невозможно. Группировки, претендующие на то, что именно они являются настоящей властью, наслаивались друг на друга, как коржи в вафельном торте.

Первыми были большевики, которые по факту завоевали большинство в местных Советах крупных городов Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и Читы. Второй властью были эсеры, в основном правые, еще при Временном правительстве выигравшие выборы в так называемую Сибирскую думу. И пусть эта говорильня пока еще не была созвана, но господа депутаты уже считали себя выше звезд и круче яиц. Третьей властью считали себя казачьи атаманы, которые при их подпитке финансами и оружием из-за рубежа готовились к установлению военной диктатуры. Атаман Семенов собирал свое войско в Маньчжурии и целился на Забайкалье, атаманы Гамов и Кузнецов – в Амурской области, атаман Калмыков – в Приморье. И за всеми этими деятелями поблескивали хитрые самурайские глазки, а в карманах атаманов шуршали британские фунты и французские франки.

Особо опасным врагом советской власти, по нашему разумению, считался бывший есаул Забайкальского казачьего войска Григорий Семенов. Он отличался храбростью и беспринципностью. Семенов успел повоевать в Первую мировую на Западном фронте и в Персии. Оказавшись на Румынском фронте, он отправил рапорт тогдашнему военному министру Керенскому, с предложением сформировать в Забайкалье отдельный монголо-бурятский конный полк, как он писал, «с целью пробудить совесть русского солдата, у которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело».

После прихода к власти большевистского правительства Сталина Семенов перебрался в Харбин. Там, на деньги японцев и англо-французов, он начал формировать отряд для борьбы с

советской властью. Если дела пойдут так же, как и в нашей истории, то «особый маньчжурский отряд» атамана Семенова должен в самое ближайшее время двинуться на Читу. В *тот раз* местные читинские красногвардейцы вместе с вернувшимся с фронта пробольшевистским 1-м Аргунским казачьим полком под командованием Сергея Лазо разбили воинство Семенова и выкинули его обратно в Маньчжурию.

Такое развитие событий нас категорически не устраивало. Атамана Семенова и его отряд надо было не просто разбить и выгнать, а полностью уничтожить. Самого Семенова и его поделщика, отмороженного на всю голову барона Унгерна, следовало ликвидировать. Только после этого советская власть сможет окончательно укрепиться в Забайкалье. Удерживая контроль над Транссибом, мы могли продвигаться дальше на восток, устанавливая свою власть над верхним течением Амура и КВЖД, отказываясь от которой, как в прошлой истории, мы не собирались.

Для этого нам еще предстояло послать в Читу специальную группу особо опытных товарищей. Нашим людям, которые остались во Владивостоке вместе с адмиралом Колчаком, назначенным в начале декабря прошлого года решением ВЦИК командующими всеми вооруженными силами Советской России на Дальнем Востоке, заниматься Семеновым и Унгерном было несподручно. Расстояние от Владивостока до Читы – почти тысяча семьсот километров по прямой и больше двух с половиной тысяч километров по Транссибу. К тому же им хватало забот и хлопот на местах. Приходилось воевать с врагами советской власти, засевшими в самом Владивостоке, Хабаровске и Николаевске. А ведь им еще надо внимательно следить за не в меру алчными соседями – японцами и американцами, мечтающими подгрести под себя богатства Приморья. Мы поддерживаем с ними постоянную связь и по мере возможности информируем обо всем происходящем в европейской России.

Я вздохнул. Выборы выборами, но о наших делах по всей Руси Великой тоже не следует забывать. Поэтому-то я и собираюсь отправиться к Сталину, чтобы обсудить с ним ситуацию, сложившуюся к настоящему моменту в Сибири и на Дальнем Востоке...

24 января 1918 года. Иркутск, Набережная улица, 24. Резиденция Центрального исполнительного комитета Советов Сибири – Центросибирь. Военный комендант гарнизона Иркутска Сергей Георгиевич Лазо

Вчера утром я получил из Петрограда шифрограмму, в которой председатель Совнаркома товарищ Сталин поручил мне на основе 1-го Аргунского казачьего полка начать формирование Забайкальской бригады Красной гвардии. Этот полк имел большой боевой опыт, участвовал еще в Японской войне, а во время Германской, в составе 1-й Забайкальской казачьей дивизии, отличился во время Брусиловского прорыва.

Аргунский полк был полностью большевизирован. Его бойцы выразили полную поддержку линии товарища Сталина еще до прихода большевиков к власти в Петрограде. Потом в полк из Петрограда пришло письмо от генерала Деникина, бывшего во время Японской войны начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии. В нем он вспоминал о своей службе с лихими забайкальцами и высказал надежду, что они и сейчас, после отстранения от власти Временного правительства, останутся верными Родине, и так же, как и прежде, будут защищать ее от внешних и внутренних врагов. В полку еще служили офицеры, которые помнили Антона Ивановича, бывшего в Японскую войну подполковником.

Надо сказать, что новости, которые хотя и не регулярно, но все же доходили до нас из центральной России, были настолько удивительными, что некоторые просто отказывались верить во все происходящее. Полный разгром германского флота и десантных частей у острова Эзель, добровольная передача власти Керенским большевикам, наведение порядка в Петрограде, возвращение в столицу бывшего императора Николая II и его открытое письмо в поддержку новой власти – все это никак не могло уложиться в головах депутатов созванного в Иркутске Всеи-

бирского Съезда Советов. Но, как бы то ни было, именно эти депутаты создали ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), который высказался в поддержку новой власти в Петрограде.

Еще более удивительными оказались действия сформированной в Петрограде бригады Красной гвардии, которая впоследствии так разрослась численно за счет притока добровольцев, что была развернута в особый корпус по подавлению разного рода «самостийников», попытавшихся повсюду провозглашать свои «державы», национальные по лозунгам и вполне буржуазные по сути. Особенно меня порадовало известие о разгоне Сфатул Церий – жалкой буржуазно-националистической пародии на правительство в моей родной Бессарабии. Причем там все даже обошлось без кровопролития. Стоило только народному комиссару по военным и морским делам товарищу Фрунзе лишь слегка нахмуриться, и вся эта банда новоявленных «государственных мужей» с визгом разбежалась в разные стороны.

Покончив с бессарабскими националистами, корпус Красной гвардии обрушил свой удар на Романию Маре – королевскую Румынию, возмечтавшую стать наследницей Римской империи и оторвать от России территории до Днестра, а может, даже и до Днепра. В историю операция корпуса Красной гвардии против буржуазной Румынии, наверное, войдет под названием «Однодневная война». На рассвете 16 декабря прошлого года началась артиллерийская подготовка, а к полудню румынская армия уже разбежалась, временная столица – Яссы – была захвачена, а королевская семья и правительство попали в плен.

И вот, похоже, что, наведя порядок в европейских губерниях России, в Петрограде теперь решили вплотную заняться нашими сибирскими делами. Именно для этого товарищу Сталину потребовалась реальная вооруженная сила, которая сможет поставить на место наших сибирских сепаратистов и автономистов всех мастей. Ведь и у нас, в Сибири, таких пруд пруди.

Думая, что Иркутск далеко, а Петроград вообще им не указ, некоторые товарищи в местных Советах решили, что они сами себе власть, и издавали таких указов и декретов, что, когда я их читал, у меня остатки волос на голове вставали дыбом. Нет, с доморощенной сибирской «самостийностью» надо будет тоже кончать как можно скорее. А для этого, как правильно указывают питерские товарищи, нам необходима надежная и профессионально подготовленная вооруженная сила.

Конечно, не все в Центросибири обрадовались известию о том, что и у нас вскоре появится своя регулярная Красная гвардия. Особо бурно возмущался поступившим из Петрограда новостям председатель Центросибири Борис Захарович Шумяцкий, сторонник и хороший знакомый бывшего «межрайонца» Льва Троцкого, убитого в октябре прошлого года при подавлении левацкого мятежа в Петрограде. Правда, узнав о произошедших в Петрограде событиях, товарищ Шумяцкий на словах осудил, как он выразился, «авантюру антипартийной группы Троцкого-Свердлова», которая «вступила в преступный сговор с врагами революции». Но по кислому выражению лица председателя Центросибири было видно, что его мысли расходятся со словами, произносимыми им с трибуны.

Досконально разобравшись с шифрограммой и узнав, что Забайкальская бригада Красной гвардии будет состоять в основном из казаков, Шумяцкий стал публично возмущаться, заявляя, что в Петрограде руководство партии большевиков оказалось поголовно подверженным правому уклону. Вместо того чтобы расформировать и разоружить казаков, которые, по его словам, «всегда были палачами и угнетателями русского народа», он сказал, что власти в Петрограде хотят сделать из этих «держиморд в папах» своих преторианцев.

Я попытался было доказать ему, что казаки тоже бывают разные, и что в Петрограде именно они помогли подавить мятеж авантюристов, действовавших рука об руку с уголовниками, выступившими против руководства большевистской партии. Похоже, что напоминание о печальной судьбе его приятеля Троцкого пришлось Шумяцкому не по душе. Он злобно посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но промолчал и, покинув заседание, закрылся в своем кабинете.

Другим противником формирования бригады Красной гвардии был Иван Никитич Смирнов. В отличие от меня, бывшего левого эсера, это был старый большевик, человек неукротимой энергии, отличный конспиратор, который еще при царском режиме не раз арестовывался, отбывал ссылку и сидел в тюрьмах. Но у него есть один большой недостаток – он крайне честолюбив и нетерпим к мнению окружающих.

Иван Никитич при первом же нашем знакомстве с ходу заявил, что считает меня лишь «временным попутчиком», так как я офицер и «представитель эксплуататорских классов». На мое замечание о том, что и товарищ Ленин, с которым я познакомился летом 1917 года в Петрограде на I-м Всероссийском Съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, тоже по происхождению дворянин, Смирнов сквозь зубы процедил, что, дескать, «придет время, когда дойдет очередь и до Ленина». Я даже растерялся от его слов и не смог ничего сказать в ответ.

Я уже понял, что с началом формирования бригады мне придется столкнуться с фрондой со стороны товарищей Шумяцкого, Смирнова и их сторонников. Меня радовало, что были люди, которые меня поддерживали, и среди них член ЦИК Центросибири Николай Андреевич Гаврилов. Он так же, как и Смирнов, был выходцем из крестьян и старым большевиком. Николай Андреевич по приговору царского суда четыре года отсидел в Бутырской тюрьме, где выучил четыре иностранных языка. Но, в отличие от Ивана Никитича, он не делил людей по социальному происхождению и тоже высказал полную поддержку всем решениям правительства товарища Сталина.

Но я все же надеюсь, что внутривластные разногласия в Центросибири не помешают нам сформировать бригаду Красной гвардии. Радовало, что обстановка в Иркутске была относительно спокойной. Брожение среди юнкеров и офицеров местного гарнизона утихло после того, как Красная гвардия и верные правительству Сталина армейские части разгромили под Ригой 8-ю германскую армию. Потом начались мирные переговоры и закончилась война с Германией. После этого со страниц газеты «Правда» товарищ Сталин заявил, что армию распустить никто не собирается, и все офицеры, желающие продолжить службу, найдут достойное для себя место в ее рядах.

Но вместе с тем нам также стало известно и о том, что окопавшийся в полосе отчуждения КВЖД есаул Семенов начал собирать под свое крыло всех недовольных новой властью. Похоже, что этот интриган при поддержке японских агентов – а мы прекрасно знали, кто именно является подлинным хозяином в тех краях – собирается начать наступление на Читу и далее – на Иркутск. Похоже, что именно против банды есаула Семенова и будет нацелен удар вновь сформированной бригады Красной гвардии Забайкалья.

24 января 1918 года, вечер. Екатеринодар, железнодорожный вокзал. Штабной поезд корпуса Красной гвардии. Генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович

Двадцатого января по новому стилю наш корпус, погрузившись в эшелоны, выступил из Ростова в направлении северокавказских губерний. Продвижение наше по Кубани было стремительным.

Двадцать второго января мы уже были в станице Тихорецкой, где во время краткой остановки полковник Бережной устроил нам что-то вроде «политинформации». Это новое слово пришло к нам из XXI века и означало краткий доклад о политической и военной обстановке в той местности, куда мы в дальнейшем направим свои стопы. Скажу честно – раньше, в Русской императорской армии, для офицера рассуждать о политике считалось не совсем приличным занятием. Во всяком случае, на того, кто позволял себе публичные рассуждения о внутренней политике государства, сослуживцы всегда смотрели косо. И в этом, как я теперь понял, таилась большая опасность. Неплохо разбиравшиеся в военном деле офицеры оказывались сущими младенцами в политических делах и не могли грамотно оппонировать разного рода агитато-

рам, которые, начиная с февраля 1917 года, окончательно заморочили головы нижним чинам. Закончилось же все развалом армии и массовыми расправами над офицерами.

Я никогда не забуду позорной сцены в тюрьме Бердичева, куда меня посадили по приказу тогдашнего военного министра Керенского. Я слышал, как охранявшие мою камеру солдаты вполне всерьез рассуждали о том, что лучше не тратить время попусту, а тут же на месте прикончить «этого золотопогонного буржуя, который, сидя на мешках с деньгами, всю жизнь пил кровь из простого народа». Это меня-то – сына крепостного крестьянина! Моего отца рекрутом взяли из саратовской деревни. Потом и кровью он честно дослужился до майора! Меня – нищего гимназиста, зарабатывавшего на жизнь и на учебу репетиторством и в начале учебного года думавшего – прослужит мой сюртук до лета, если на него поставить еще несколько заплаток, или надо подтянуть пояс и скопить деньги на новый!

Но, господа, я немного отвлекся...

Во время своей политинформации полковник Бережной рассказал нам о том, что в данный момент творится на землях Кубанского казачьего войска в частности и на Северном Кавказе вообще. А происходит там то, что иначе как очередным изданием смуты назвать нельзя.

– Господа, – сказал Бережной, – прошу вас учесть, что на Кубани обстановка немногим отличается от той, которая была на Дону. Там до сих пор не разрешены противоречия между зажиточной частью казачества и казаками-бедняками. Богатая верхушка казачьего населения составляет чуть более одной пятой от числа всех кубанских казаков, но ей принадлежит до шестидесяти процентов всей пахотной земли. Лучшей земли, смею заметить. При этом беднота, составляющая чуть менее половины от всего казачьего населения Кубани, имеет фактические наделы по две-три десятины земли. Что же касается проживающих на Кубани иногородних, то и среди них встречаются довольно зажиточные хозяева. Но их всего восемь процентов от общего числа крестьян. Подавляющая же часть иногороднего крестьянства, составляющая большую часть населения области, своих земельных наделов не имеет вообще и вынуждена арендовать землю у богатых казаков.

Несмотря на свое привилегированное положение, основная масса казачества на Кубани бедствует. Как вы знаете, при призыве на службу казак должен был приобрести за свой счет коня, шашку и всю необходимую амуницию, что серьезно подрывало основы среднего казачьего хозяйства и окончательно разорило казачью бедноту, вынужденную пойти в кабалу к богатым и их ставленникам – станичным атаманам, которым до сих пор принадлежит фактическая власть на местах. Почувствовав временное безвластие, эти господа в настоящий момент чувствуют себя в станицах полными хозяевами.

Полковник Бережной внимательно посмотрел на бывшего великого князя.

– А вы, Михаил Александрович, – сказал он, – имейте в виду, что почти такая же обстановка и у ближайших соседей Кубани – на Тереке и в Ставрополье, куда направляется ваша бригада, чтобы навести там порядок и восстановить власть центрального правительства. Так вот, к земельным и экономическим противоречиям на Ставрополье стоит приплюсовать еще и противоречия национально-религиозные. А они весьма взрывоопасны. Тем более что эти противоречия весьма активно подогревают турецкие агенты.

Теперь о земельном вопросе. В Ставропольской губернии безземельных – двадцать три процента от общего числа крестьянского населения, а семнадцать процентов крестьян имеют минимальные наделы, недостаточные для прокорма семьи. Кроме того, частые мобилизации людей и скота на протяжении трех лет войны, а также введенная в пятнадцатом году продразверстка окончательно подорвали крестьянское хозяйство.

Только вам, Михаил Александрович, там будет все же легче, чем нам на Кубани, поскольку в Ставрополь недавно с частями 111-го полка и 252-й Самарской дружины из Грозного прибыл надежный товарищ, старый большевик, Николай Андреевич Анисимов. Все необходимые указания, в том числе и насчет того, чтобы он отнесся к вам с полным доверием, им

уже получены. Главные же ваши заботы – это межнациональные противоречия, которые ни в коем случае не должны вылиться в кровавую междоусобицу. Противоречия между различными народами Северного Кавказа и Терским казачьим войском достигли такого напряжения, что достаточно одной искры, чтобы началась всеобщая резня и погромы. Вся надежда, товарищ Романов, на местных большевиков и на ваш авторитет. Ведь многие из тех джигитов, которых вы водили в бой, надеюсь, еще не забыли своего лихого командира. Вы также можете опереться на местных старейшин. Они, в отличие от безбашенных юнцов – люди, умудренные жизнью, и прекрасно понимают, что война – это кровь и разрушения. Кроме того, если кто-то не захочет понимать добрых слов, то вы, не чинясь, должны употребить вооруженную силу. Для огневой поддержки вашей бригаде будут выделены несколько бронепоездов военной постройки, захваченных корпусом в полосе бывших Юго-Западного и Румынских фронтов.

– С вами пока все, Михаил Александрович, – сказал полковник Бережной бывшему великому князю, – а теперь мы поговорим о положении дел на Кубани. В Екатеринодаре сейчас пыжится хорунжий Рябовол, изображая из себя главу так называемой Кубанской законодательной рады. Вы спросите – почему так называемой? Да потому, что в выборах депутатов этой рады не участвовали иногородние, проживавшие на Кубани менее трех лет, и рабочие. А вот в Армавире в настоящее время готовится созыв первого съезда Советов Кубанской области, который намерен провозгласить советскую власть на территории всей области. На съезде должен быть избран Кубанский исполнительный комитет областного Совета. Вот он-то и станет настоящим правительством Кубани. Телеграмма в Армавир уже отбита, и сразу после занятия нами Екатеринодара туда прибудут делегаты съезда, чтобы продолжить свою работу. С паном Рябоволом нам особо нянчиться некогда, поскольку корпус должен как можно скорее попасть на Кавказский фронт. В случае, если он все поймет и осознает, мы направим его заниматься своими прямыми обязанностями на постройке Кубано-Черноморской железной дороги, где он перед войной довольно неплохо себя показал. Ну, а если нет... – тут полковник Бережной с сожалением развел руками, показывая, что Рябовола ждет незавидная участь.

– Что касается его сторонников, – продолжил Бережной, – ориентировавшихся до сего времени на «правительство» Украины, руководимое Петлюрой, то после разгона киевских шутов они утратили свой самостоятельный пыл и больше не носятся с идеей создания «незалежного Кубанского государства». К тому же Декрет о советском казачестве уже подействовал на умы казаков, и на нашей стороне теперь подавляющая масса кубанцев и терцев...

...Все произошло именно так, как сказал полковник Бережной. Когда сегодня на рассвете передовые части нашего корпуса вошли в Екатеринодар, то в их сторону не было сделано ни одного выстрела. Стотысячный город словно и не заметил, что власть на Кубани снова поменялась.

Дворец наказного атамана Кубанского казачьего войска, расположенный в самом начале Бурсаковской улицы, встретил нас распахнутыми настежь дверями, пустыми коридорами и комнатами, по которым зимний ветер гонял никому не нужные бумаги. Зато в доме 48 по той же улице, там, где раньше находилось Второе общественное собрание, обустроивались прибывшие около полудня новые власти Екатеринодара – члены Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов.

Вот с ними-то и провел соответствующую работу господин-товарищ Фрунзе. Он собрал то, что большевики называют «местным активом», и разъяснил товарищам то, что они называют «политикой партии», предупредив, что новая власть в Петрограде шутить не любит и с нарушителями законов будет поступать самым решительным образом.

Последовавшие за этим события показали, что товарищи из большевистской партии, когда надо, действуют весьма жестко. Дело в том, что, пользуясь безвластием, некоторые «р-р-революционные элементы» – именно так произносит это слово Михаил Васильевич – занялись самоуправством, конфискациями, больше похожими на грабежи, налетами на «классово

чуждых» владельцев лавок и магазинов, а также насилем в отношении мирных обывателей. Несколько мародеров, пойманных на месте преступления патрулями из состава корпуса Красной гвардии, были, согласно большевистскому Декрету о борьбе с бандитизмом, показательно расстреляны после короткого военно-полевого суда, именуемого теперь революционным трибуналом.

В Екатеринодаре мы задержимся всего на день. Власть здесь, как я понял, утвердилась надежно и надолго, и уже завтра, двадцать пятого января, оставив «на хозяйстве» сводный полк Буденного-Думенко, к которому вскоре примкнут формируемые хорунжим Автономным местные части Красной гвардии, отправимся по железной дороге в сторону Новороссийска, где большевики установили свою власть еще в ноябре прошлого года.

Там нам предстоит утром двадцать седьмого января погрузиться на пароходы, для последующей высадки в Потти, который сейчас контролируется самозванным Закавказским комиссариатом, являющимся сборищем грузинских, армянских и татарских сепаратистов. Пусть не думают, что они сумеют отсидеться за Кавказскими горами. Настанет и их черед. В общем, господа грузинские меньшевики, дашнаки, мусаватисты, поиграли в государство – и хватит! С тем борделем, который по всей Руси развел господин Керенский, пора уже заканчивать.

Со стороны Черноморского флота десантную операцию нашего корпуса будут прикрывать линкор «Воля» – бывший «Император Александр III», крейсера «Очаков» и «Память Меркурия», а также эсминцы «Фидониси», «Керчь», «Гаджибей» и «Калиакрия». После того как моряки обеспечат нашу высадку, они заглянут в Батум и Трапезунд, для того чтобы напомнить всем забывчивым, что власть в России снова есть, а Черноморский флот жив и действует.

25 января 1918 года. КВЖД, Харбин. Резиденция управляющего КВЖД. Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват. Командир Особого Маньчжурского отряда есаул Григорий Семенов

Генерал-лейтенант Хорват смотрел на сидящего напротив него есаула Семенова, как на букашку, ползающую по обеденному столу. Здесь, в зоне отчуждения КВЖД, он считал себя полновластным хозяином. Назначенный еще в 1903 году управляющим строительством Китайской восточной железной дороги, он пережил наместника Алексеева, Русско-японскую войну, императора Николая II, а также Временные правительства князя Львова и Керенского.

Случившаяся в начале октября в Петрограде очередная смена власти тоже никак не повлияла на его положение. Где-то там, далеко отсюда, в европейских губерниях России происходили непонятные для генерала Хорвата перемены. Но тут, в полосе отчуждения КВЖД, казавшейся островком спокойствия и благополучия в бушующей революционной России, все шло своим чередом и сохранялись старые порядки, еще со времен «до без царя». Народ был сыт, обут, одет и считал, что пока генерал Хорват находится на своем посту, то положение в зоне отчуждения КВЖД ни в коем случае не может перемениться к худшему.

Совсем недавно генерал вернулся в Харбин из поездки во Владивосток, куда он отправился для встречи с адмиралом Колчаком, недавно назначенным управляющим всеми Дальневосточными территориями. И сама поездка, и разговор с адмиралом произвели на Хорвата двойное впечатление. Колчак явно знал больше, чем говорил, особо тщательно обходя в разговоре тему своего путешествия из Японии во Владивосток. Не распространялся он и о причинах, побудивших его пойти на службу к правительству Сталина, а также о том, кем были люди из его нового окружения.

А люди эти не нравились Хорвату совершенно. Весь его опыт говорил генералу, что с такими, как они, в случае чего будет очень трудно «договориться». Они показались ему отнюдь не фанатиками большевистской идеи, да и взглядов придерживаются вполне умеренных, если не сказать больше. А вот поди ж ты... Как говорится – ни дать ни взять.

Сам генерал, чего греха таить, хоть и не отличался неумеренным корыстолюбием, но за время своего хозяйствования на КВЖД капиталец сколотил немалый. Сам жил и другим давал, не забывая, впрочем, и о своих прямых обязанностях. Потому-то он и продержался на этом посту так долго. Не желал он только влезать в грязные политические игрища, планируя через какое-то время, отойдя от дел, уехать из охваченной смутой России за границу, туда, где тепло и безопасно, и прожить там, в тишине и спокойствии, остаток дней своих.

Дело же, которое предложил ему есаул Семенов, действительно было грязным – грязнее не бывает. А именно – вооруженный мятеж против законной власти. Ничуть не менее законной, чем правительства князя Львова и Керенского. В такое Хорват вмешиваться не хотел. В порошок сотрут.

Печальная судьба украинских и бессарабских самостийников, генералов Краснова и Алексеева, была еще у всех на слуху. Если будет надо, то эшелоны с Красной гвардией за неделю доберутся по Транссибу от Петрограда до Читы. После роспуска ВИКЖЕЛЯ и создания своего профсоюза большевики, имеющие немалое влияние среди железнодорожных рабочих, получили полный контроль над транспортными путями бывшей империи. В Красной гвардии сотни тысяч идейных бойцов, бронепоезда, опытные и проверенные войной командиры, в том числе, что больше всего удивило генерала, и брат бывшего царя.

А у есаула Семенова всего-навсего около шести сотен сабель. В свой Особый Маньчжурский отряд Семенову удалось набрать только бурят, которым безразлично, с кем воевать – лишь бы платили, и тех непримиримых офицеров, которые не видели и не видят в народе ничего, кроме быдла, и мечтают загнать это быдло обратно в стойло. План есаула – это авантюра, неизбежно обреченная на крах.

Генералу Хорвату было также прекрасно известно и то, что творится по ту сторону границы. Забайкальское казачество было скорее на стороне новой власти, чем против нее. Быстрое и решительное завершение войны с Германией, массовая демобилизация и, наконец, совсем недавно принятый Декрет о советском казачестве окончательно развернули симпатии основной массы казаков в сторону нового правительства. Да и не воевать сейчас хотелось казакам – непонятно зачем и непонятно за что, а заняться изрядно запущенным за три года войны личным хозяйством. Молодые стремились поскорее жениться на подзасидевшихся в девках невестах. А тем, кто постарше, вернувшись домой и обняв жену и детей, хотелось отдохнуть немного от войны и разлуки, а потом снова взяться за привычную мирную работу.

При этом генерал Хорват буквально кожей чувствовал, что не все в этой истории было чисто. Не все произошедшие в последнее время события можно было объяснить с помощью обычной обывательской логики. За всем стояла какая-то непонятная сила, угрюмая, мрачная, без пощады и сожаления действующая с одной только ей известной целью. Какая сила могла вынудить Германию умерить свои амбиции и заключить в общем-то вполне приемлемый для интересов и престижа России Рижский мир? Какая сила могла обуздать жажду разрушения всего и вся, овладевшую в последнее время обезумевшими массами, и направить эту энергию в более или менее конструктивное русло?

Некоторые решения большевистского правительства выглядели явно не вытекающими из их политической доктрины и практического опыта, они были выстраданные и обдуманые. Их словно преподнесли господину или товарищу Сталину кем-то свыше в виде упавших с неба каменных скрижалей. Генерал Хорват был умным человеком и знал, что все непонятное – потенциально опасно. А еще ему очень хотелось заглянуть в эти самые скрижали и посмотреть – нет ли там чего, высеченного неумолимой рукой судьбы и касающегося лично его. Пока о нем не вспоминают, но быть может, до него в Петрограде еще не дошла очередь? Сейчас у него есть определенное положение, какая-никакая власть и, наконец, деньги. Но он понимал, что все может измениться в любой момент. И неуместная авантюра есаула против новой власти вполне

могла привести к тому, что этот роковой для него момент мог наступить в самое ближайшее время.

Приняв, наконец, окончательное решение, генерал Хорват пригладил свою роскошную седую бороду.

– Господин есаул, – сказал он, – должен сказать вам, что я с пониманием отношусь к тому, что вы пытаетесь сделать. Но при этом я не смогу оказать вам никакой реальной помощи. Ресурсы на вверенной мне территории весьма ограничены, а подчиненные мне люди довольны прекращением войны с Германией и не желают ввязываться в еще одну войну, на этот раз внутри России.

– Значит, вот так, ваше превосходительство? – с некоторой угрозой в голосе произнес Семенов, вставая. – Смотрите, как бы вам потом не пришлось пожалеть об этом решении.

«Тупой, ограниченный, самовлюбленный хам, – подумал про себя генерал Хорват, – он не видит ничего дальше собственного носа. Храбрый – в этом ему не откажешь, – но и только. Если он и дальше будет действовать в том же духе, то неизбежно окажется марионеткой внешних сил: англичан или тех же японцев, которые с удовольствием его используют, а потом выкинут как ненужную вещь».

– Не беспокойтесь за меня, есаул, – произнес генерал Хорват вслух, – за все принятые мною решения я всегда готов нести личную ответственность. А теперь я попрошу вас удалиться. Прощайте...

Когда есаул Семенов ушел, Хорват вызвал к себе своего доверенного секретаря и прошептал ему на ухо несколько слов. Дабы не делать ставку на одну лошадь, генерал решил проявить мудрость и сообщить о сегодняшнем разговоре адмиралу Колчаку во Владивосток, а заодно и центральной власти в Петроград. Возможно, что это ему со временем зачтется.

26 января 1918 года. Петроград, Таврический дворец. Руководитель ИТАР Александр Васильевич Тамбовцев

Сегодня в Таврическом дворце в кабинете у Сталина состоялся серьезный разговор, основную тему которого можно назвать так: «Дела сибирские». Нужно что-то срочно решать с этой частью России, которой, если верить Ломоносову, будет прирастать ее могущество.

На совещании, кроме самого Сталина и меня, присутствовали Дзержинский, генерал Потапов, адмирал Ларионов и специально приглашенный по просьбе Сталина Николай Бесоев. Он хорошо запомнил этого молодого человека по эвакуации семьи Николая II из Тобольска, сопряженной с неожиданным арестом Свердлова. Очевидно, что на него у советского вождя были какие-то свои планы. Как-никак почти земляки – от Владикавказа до Гори рукой подать.

Кроме того, уже было ясно, что устанавливать советскую власть в Сибири – а то, что там сейчас творилось, советской властью можно было назвать лишь условно – придется не только политическими, но и военными методами. И нашим специалистам и молодым советским спецслужбам предстоит немало поработать.

– Товарищи, – начал совещание Сталин, – я собрал вас сюда сегодня для того, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие. Озаботившись нашими европейскими делами, мы при этом совершенно запустили дела азиатские. А ведь большая часть территории Советской России расположена именно в Азии. Причем это не просто территория, это – города и поселки, Транссибирская железная дорога, богатейшие месторождения природных ископаемых, порт Владивосток – наш выход в Тихий океан и главная база флота. Все это обязано находиться под полным нашим контролем. Власть в Сибири и на Дальнем Востоке должна быть советской не только по названию, но и по содержанию. Никакой другой власти там быть не может. И наша с вами задача – как можно быстрее ее там установить.

Пыхнув папиросой, Сталин обвел всех пристальным взглядом своих желтых тигриных глаз.

– Товарищ Тамбовцев, – спросил он у меня, – что вы можете сказать по поводу нынешней обстановки в Сибири и на Дальнем Востоке? Я знаю, что ваше агентство получает информацию с мест, и, с учетом послезнания, вы информированы куда лучше большинства из нас.

– Товарищ Сталин, – начал я, – вы абсолютно правы в том смысле, что Сибирь и Дальний Восток обязательно должны быть советскими. Но чтобы добраться до Сибири, что само по себе сегодня довольно сложно, надо разгрести завалы на подступах к ней, которые образовались в последнее время. Это, в первую очередь, ситуация, сложившаяся в Екатеринбурге – столице Урала. Там пока обстановка для нас довольно сложная. Конечно, наш бывший товарищ Свердлов не успел добраться до Екатеринбурга, но и без него в городском Совете полным-полно его единомышленников. Получив известие о подавлении беспорядков в Петрограде, в ходе которых было убито немалое количество сторонников Андрея Уральского, а сам он задержан при попытке сбежать, они, для видимости, сдержанно одобрили меры, принятые советским правительством для наведения порядка. Но это только для видимости. . .

Сталин резким движением затушил окуроченные папиросы в пепельнице.

– Товарищ Дзержинский, – произнес он, повернувшись к Железному Феликсу, – вашим сотрудникам необходимо срочно заняться этим вопросом и разобраться, кто из представителей местной советской власти в Екатеринбурге действительно поддерживает нашу власть, а кто готовит мятеж, чтобы стать местными князьками, и намерен оторвать Урал от Советской России. Я думаю, что вы уже имеете полную информацию о том, что готовят в Екатеринбурге единомышленники Свердлова и Троцкого? Действительно, пора уже покончить с этим осиным гнездом. Нам не нужны те, для кого шкурные интересы выше народных.

– Товарищ Сталин, – ответил Дзержинский, – мы уже формируем отряд, который в самое ближайшее время будет направлен в Екатеринбург. Учитывая, что на Урале действительно сильны троцкистские и сепаратистские настроения, нам следует подготовиться к возможному вооруженному сопротивлению. Поэтому я думаю, что позднее к этому вопросу надо будет вернуться еще раз и обсудить его досконально.

Сталин помолчал, а потом снова посмотрел в мою сторону.

– Товарищ Тамбовцев, – сказал он, – а что вы скажете насчет чисто сибирских дел? Где нам угрожает наибольшая опасность?

– Товарищ Сталин, – ответил я, – самая большая опасность на данный момент это есаул Семенов, готовящийся вторгнуться из полосы отчуждения КВЖД в Забайкалье.

– А какая власть в этой самой полосе отчуждения? – поинтересовался Сталин. – Кто там сейчас самый главный? У кого там сейчас в руках власть, деньги и вооруженная сила?

– Самый главный там – генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват. Личность весьма своеобразная. На словах он вроде бы полностью признает советскую власть, а на деле – в полосе отчуждения, прозванной местными остряками «Счастливой Хорватией», власть – это он сам. При этом генерал старается не делать лишних телодвижений и ни с кем не конфликтовать. Он умен и осторожен – весь в своего прапрадедушку – фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, которого, как известно, еще Наполеон называл Хитрым лисом.

– А каковы его отношения с есаулом Семеновым? – спросил Сталин. – Генерал, надеюсь, не поддержит этого авантюриста?

– Отношения между ними довольно прохладные, – усмехнулся я. – Генерал предполагает – и не без оснований, что Семенов, захватив власть в Забайкалье, захочет занять и его место в Харбине. К тому же есаул Семенов не самостоятелен – его щедро финансирует и вооружает японская разведка. В Токио надеются, что есаул будет более покладистым соседом, чем генерал Хорват, и позволит им стать подлинными хозяевами КВЖД и прилегающих к ней территорий.

– Понятно, товарищ Тамбовцев, – покачал головой Сталин, – значит, опять повторяется история, когда отечественные авантюристы готовы плясать под дудку иностранцев и не останавливаются ни перед чем – только бы урвать для себя хотя бы кусочек власти. С учетом того,

что в этом деле ясно видно вмешательство из-за рубежа, я пригласил на это наше совещание генерала Потапова. Скажите, Николай Михайлович, чем можно помочь нашим товарищам в Забайкалье и в полосе отчуждения КВЖД? Есть ли там ваши люди, которым можно полностью доверять?

– Есть, товарищ Сталин, – ответил генерал. – И именно в Харбине. Штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий, разведчик-профессионал, участник Русско-японской войны, награжденный за бои под Мукденом орденом Святого Станислава третьей степени. Закончил во Владивостоке Восточный институт, который готовил кадровых разведчиков, где изучал китайский, японский и корейский языки. Потом стажировался в Японии, где изучал нравы и обычаи этой страны. Вернувшись домой перед началом войны, он возглавил оперативный отдел штаба Иркутского военного округа. Занимался всем, что происходило в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, и организовал там неплохую агентурную сеть.

– И еще, – тут Потапов сделал паузу и внимательно посмотрел на Сталина, – штабс-капитан Луцкий сочувствует большевикам.

Сталин удовлетворенно кивнул головой.

– Хорошо, Николай Михайлович, я надеюсь, что с помощью товарища Луцкого мы сумеем взять под контроль генерала Хорвата и нейтрализовать угрозу нашим интересам со стороны японской агентуры в полосе отчуждения КВЖД. Что еще нужно для успеха этой операции? Есть мнение, что с учетом своего специального опыта возглавить ее проведение на месте должен присутствующий здесь товарищ Бесоев.

– Товарищ Сталин, – сказал адмирал Ларионов, – мы считаем нужным отправить в Забайкалье вместе со старшим лейтенантом Бесоевым особую группу из специально подготовленных для таких дел бойцов. Они обучены действиям в особых условиях и имеют боевой опыт. Для усиления этой спецгруппы неплохо было бы послать вместе с ними сотни три хорошо подготовленных нами бойцов Красной гвардии. От военной разведки уважаемый Николай Михайлович предложил взять с собой штабс-капитана Николу Якшича. Кстати, товарищ Сталин, вы уже с ним знакомы.

Вождь кивнул. Он вспомнил немногословного и толкового офицера, которого представил ему генерал Потапов в квартире на Суворовском. У него вообще была очень хорошая память на лица.

– Штабс-капитан Якшич, – добавил я, – будет еще полезен тем, что в нашей истории к отряду есаула Семенова присоединились триста сербов – бывших австрийских военнопленных. Полагаю, что штабс-капитан сможет найти с ними общий язык.

– Кстати, старший лейтенант, – обратился я к Бесоеву, – имейте в виду, что в тех краях полным-полно бывших военнопленных. Семенов в нашей истории сумел привлечь к себе немало бывших солдат германской и даже турецкой армий.

Сталин хмыкнул в усы.

– Немцев, – сказал он, – следует как можно быстрее отправить домой в Германию – хватит, нагостились. А турок предупредить, что Забайкалье – это еще не самая дальняя точка России.

– Товарищ Сталин, – спросил Бесоев, – а технику нам дадут, или придется импровизировать на месте, например, строить бронепоезда?

– Дадут, товарищ Бесоев, дадут, – успокоил его Сталин, – и один бронепоезд типа «Красный балтиец» тоже дадут. Товарищ Ларионов, какую технику вы сможете выделить для отряда товарища Бесоева?

– Немного, но выделим, товарищ Сталин, – ответил адмирал Ларионов. – Товарищ старший лейтенант, возьмете с собой пару бэтэров и один «Тигр». Ну, пулеметы, АГС и прочее – это само собой. Возьмите десяток бочек топлива. А там уже придется обходиться своими силами.

– Попросите помочь в случае чего генерала Хорвата, – добавил я. – Это тот еще пройдоха – если надо – все добудет.

– Чем вы там будете заниматься со своими «мышками», – усмехнулся адмирал Ларионов, – товарищ Сталин расскажет вам немного попозже. А красногвардейцев используйте в качестве инструкторов для местных товарищей. Они как-никак кое-чему у нас здесь уже научились.

– Товарищ Сталин, – сказал я, – пусть товарищ Бесоев возьмет с собой двух пока еще не состоявшихся «героев» несостоявшейся гражданской войны. Первый давно уже в Питере. Это полковник Слащев Яков Александрович, командир лейб-гвардии Московского полка. Он просил разрешения отправиться вместе с генералом Деникиным на Украину, но мы решили немного его попридержать. Туда, в Киев и Одессу, уехало и без того много талантливых военачальников. Нам хорошие командиры здесь тоже были нужны. Второй – Генерального штаба подполковник Владимир Оскарович Каппель. Он – коллега Николая Михайловича, служил в военной разведке на Юго-Западном фронте. Кстати, он тоже из списка генерала Деникина. Сейчас подполковник Каппель в Перми. Он взял в начале октября отпуск по болезни и уехал к семье. Генерал Деникин по нашей просьбе написал ему письмо с предложением снова поступить на службу, и подполковник ответил согласием на послание бывшего комфронта.

– Ну, вот и отлично, товарищи, – сказал Сталин. – Я попрошу всех вас ускорить подготовку к этой операции в Забайкалье. Помните – надо сделать все, чтобы Сибирь и Дальний Восток стали полностью советскими. Мы окажем вам всю возможную помощь, но все же успех будет зависеть от ваших решительных действий. Не бойтесь проявлять инициативу – без этого вам там не обойтись...

27 января 1918 года. Чита, штаб 1-го Аргунского полка. Командующий Забайкальской бригадой Красной гвардии прапорщик Сергей Лазо, начальник штаба бригады Георгий Богомяков, командир 1-го Аргунского казачьего полка войсковой старшина Зиновий Метелица, комиссар 1-го Аргунского казачьего полка хорунжий Фрол Балябин, командир Читинского отряда Красной гвардии Дмитрий Шилов, командир Колуньского отряда Красной гвардии Прокоп Атавин, командир Газимуровского отряда Красной гвардии Василий Кожевников, командир Зоргольского отряда Красной гвардии Павел Пешков

– Товарищи, – сказал Сергей Лазо, – только что получена депеша: есаул Семенов со своим Особым Маньчжурским отрядом со дня на день готов выступить со станции Маньчжурия в направлении Читы. Обстановка тревожная, богатеи и прочие наши недруги ненавидят советскую власть и ждут не дождутся прихода Семенова. Особенно агрессивно настроено богатое караульское казачество, готовое в полном составе встать под его знамена.

– Это мы и так знаем, – солидно произнес Прокоп Атавин, – богатеям наша власть – хуже горькой редьки. Нет у них теперь прежней силы. Если придут, то погоним обратно, как худых собак. Ты лучше, товарищ Лазо, скажи, что нам дальше-то делать?

– А дальше, – ответил Лазо, доставая из-за отворота бекеша сложенный вчетверо лист бумаги, – телеграмма товарища Сталина из самого Петрограда. Слушайте:

Срочно, вне очереди, Иркутск, Центросибирь, для Читинского ревкома.

Мы считаем положение в Забайкалье весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем читинских товарищей: не стройте иллюзий – собравшиеся в Маньчжурии контрреволюционные силы в самое ближайшее время начнут наступление на советскую территорию. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, в первую очередь японцы, а также все прочие союзники по Антанте.

Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления, и готовиться серьезно. Больше внимания надо уделять правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железно-

дорожных материалов. С целью организации отпора контрреволюционным силам и их иностранным покровителям приказываем сформировать в Чите из местных красногвардейских отрядов бригаду регулярной Красной гвардии. Основной ударной силой бригады должен стать Первый Аргунский конный полк советского казачества. Командиром бригады назначаем товарища Лазо. Вторгшиеся в советское Забайкалье контрреволюционные банды должны быть не просто разгромлены и отброшены назад в Маньчжурию, а полностью уничтожены, а их главари пленены или ликвидированы.

Для оказания помощи в борьбе с контрреволюцией и иностранной агрессией высылаем в Читу из Петрограда батальон специального назначения регулярной Красной гвардии, под командованием товарища Бесоева, и с ним бронепоезд «Красный балтиец» и два тяжелых броневедомоцикла. Желаем всяческих успехов.

С коммунистическим приветом, председатель Совнаркома И. Сталин.

– Да, – уважительно произнес Фрол Балябин, – серьезно сказано, товарищ Лазо. Не просто разгромить и отбросить, а полностью уничтожить. Это как же понимать?

– А так понимать, товарищ Балябин, – ответил Сергей Лазо, – что если мы есаула Семенова просто отгоним, то он потом вернется вновь, с еще большими силами, в тот самый момент, когда мы к этому меньше всего будем готовы. Ведь скоро весна, казакам надо будет пахать и сеять, заниматься хозяйством. А Семенов и его приятель барон Унгерн к тому времени смогут собрать еще большие силы. В основном их воинство состоит из монголов, баргутов и чахар, которым все равно – с кем и за что воевать, лишь бы им платили японскими иенами и британскими фунтами. Не сомневайтесь и в том, что японцы тоже окажут помощь нашей контрреволюции, предоставив переодетых в русскую форму солдат, артиллерию и бронепоезда. Захват Читы есаулом Семеновым будет означать, что они весь Дальний Восток смогут потом взять голыми руками.

– Так говорите, барон Унгерн, товарищ Лазо? – переспросил Зиновий Метелица. – Знаю я эту сволочь, служили вместе. Он просто спятил на войне, помешался на идее абсолютной монархии.

– Этот, как вы говорите, помешанный, – сказал Сергей Лазо, – уже успел провозгласить возрождение российской монархии под знаменем великого князя Михаила Александровича, которого он называет последним императором. Только вот незадача: бывший великий князь сейчас служит командиром кавбригады в Красной гвардии и никакого барона Унгерна не знает и знать не желает.

– Да ну, товарищ Лазо? – Георгий Богомягков удивленно покрутил головой. – Это как же так получилось?

– А вот так и получилось, товарищ Богомягков, – усмехнулся Сергей Лазо, – что некоторые осколки старого режима, вроде есаула Семенова и барона Унгерна, готовы идти хоть с чертом, лишь бы против большевиков. А другие, вроде бывшего великого князя, идут вместе с большевиками против таких вот соратников нечистого. И еще, товарищи, чтобы лишить Семенова, Унгерна и им подобных поддержки в среде рядовых казаков, необходимо немедленно прекратить всяческие разговоры о ликвидации при советской власти казачьего сословия. Такие идеи признаны партией большевиков вредным левацким уклоном. Исповедовал их бывший товарищ Троцкий, который оказался врагом советской власти, и попытался поднять мятеж. За что и получил удар казачьей шашкой по голове. Декрет Совнаркома «О советском казачестве» уже расставил все на свои места. Казачьему сословию быть, но оно должно быть не старым, царским, а нашим, советским и народным. И руководить им должны наши проверенные товарищи, которых среди казаков тоже, надо сказать, немало. Мы не для того делали нашу революцию, чтобы сжечь русский народ в пламени междоусобной войны, а для того, чтобы принести ему новую счастливую жизнь. Наши же враги хотят все вернуть обратно, чтобы русские люди

постоянно жили в горести и нищете и как можно больше убивали друг друга. Именно поэтому они и поддерживают таких врагов народа, как есаул Семенов, барон Унгерн и прочие.

Сергей Лазо внимательно оглядел притихших товарищей и тяжело вздохнул.

– Товарищи, надо всем понять, что борьба тут, в Забайкалье, будет долгой и упорной. Когда потерпят поражение и будут уничтожены Семенов и Унгерн, их японские хозяева попробуют найти им замену или вторгнутся к нам сами. Товарищи в Петрограде особо подчеркивают, что воевать с ними придется всерьез и насмерть. Как это ни тяжело говорить, но я всего лишь прапорщик военного времени, к тому же так и не попавший на фронт, и не имею военного опыта, чтобы руководить борьбой такого масштаба. Среди нас есть человек, который куда лучше, чем я, готов к командованию создаваемой Забайкальской бригадой Красной гвардии. Это, товарищи, войсковой старшина Зиновий Метелица, нынешний командир Первого Аргунского полка, отвоевавший на Германской в офицерских чинах три года. Кто за то, чтобы назначить Зиновия Метелицу командиром нашей бригады Красной гвардии, прошу поднять руки.

– Шесть «за», – сказал Сергей Лазо, опуская руку. – Кто против? Против нет. Итак, шесть «за» при одном воздержавшемся. Товарищ Метелица, вам слово.

Зиновий Метелица огладил свою вьющуюся светло-каштановую бородку и внимательно оглядел собравшихся.

– Спасибо за доверие, товарищи, – произнес он, – обещаю, что приложу все свои силы для того, чтобы его оправдать. Как командир бригады, я прошу товарища Лазо стать в ней комиссаром и моим заместителем. А теперь к делу. Товарищ Лазо, что вам известно о противостоящих нам контрреволюционных силах?

– Основные силы есаула Семенова сосредоточены на станции Маньчжурия, – Сергей Лазо расстегнул планшет и достал из него листок бумаги, – это до пяти сотен чахарских и баргутских кавалеристов, которыми командуют русские офицеры, сотня китайцев и сотня бог весть каким ветром занесенных в наши края сербов и румын. Также там расположены пять сотен японских солдат при батарее полевых орудий. Но будут ли они принимать участие во вторжении – пока неизвестно. Силы барона Унгерна расположены в глубине Маньчжурии на станции Хайлар. Это пока три сотни монгольских всадников. Расширяться численно они планируют, заняв приграничные территории Даурии и объявив набор добровольцев из богатых казаков, что даст им еще около полутора тысяч сабель. Основной удар будет наноситься вдоль железной дороги в направлении Читы.

– Негусто у них, – задумчиво сказал Зиновий Метелица, – впрочем, и у нас тоже пока не намного больше. Аргунский полк – всего четыреста сабель. Артиллерии нет.

– Колуньский, Газимуровский и Зоргольский отряды – вместе чуть больше трехсот штыков, – добавил Прокоп Атавин. – Артиллерии нет.

– Еще двести штыков отряд красногвардейцев из Читы, – буркнул Дмитрий Шилов, – артиллерии тоже нет.

– Если этих бандитов надо полностью уничтожить, а не просто отогнать, – подвел итог Георгий Богомяков, – то без мобилизации нам никак не обойтись.

– Мобилизация – это вещь двоякая, – с сомнением покачал головой Лазо, – через нее в наши ряды могут попасть и враждебные элементы. Лучше было бы еще раз объявить набор добровольцев. Но пока Семенов не вторгся, вряд ли это принесет большой эффект. Люди устали от войны и думают, что эта гроза обойдет их стороной. Зато во многих станицах есть люди, которые с нетерпением ждут его прихода, чтобы загнать в стойло взбунтовавшееся быдло, то есть нас с вами. Поэтому на первом этапе все наши мысли должны быть об обороне и о планомерном отступлении для того, чтобы потом, умножившись численно, нанести контрреволюции решительное поражение и полностью ее уничтожить.

Собравшиеся неодобрительно зашумели.

– Товарищ Лазо прав, – поднял руку и остановил шум Зиновий Метелица, – если вы поставили меня командиром, то послушайте мое мнение. Грамотная оборона – это половина успеха. А там и народ поднимется, и помощь из Петрограда подойдет. Про бронепоезд «Красный балтиец» я слышал еще на фронте. Машина серьезная, вооружена морскими орудиями в пять и четыре дюйма. Полевая артиллерия японцев будет ему на один зубок. Отступая, мы должны помнить, что конечная цель – разгром и полное уничтожение врага. У меня всё.

Немного помолчав, Сергей Лазо добавил:

– Не забывайте, товарищи, и о том, что Семенов идет к нам сюда не только для того, чтобы свергнуть советскую власть, но и затем, чтобы карать, пороть, стрелять и вешать, в том числе и баб с ребятишками. Сражаться нам и нашим товарищам придется не только за революцию и новую счастливую жизнь, но и за свои дома и поля, за жизнь своих родных и близких. Если Семенов победит, то он зальет нашу землю кровью трудового народа. Помните об этом.

28 января 1918 года. Полоса отчуждения КВЖД. Станция Маньчжурия

Есаул Григорий Семенов и войсковой старшина барон Роман фон Унгерн-Штернберг сидели в жарко натопленном помещении станции. Там, снаружи, стоял пощипывающий щеки морозец, а в прозрачном бледном зимнем небе висело негреющее зимнее солнце.

Есаул Семенов щелкнул крышкой часов и посмотрел на белый циферблат с позолоченными стрелками.

– Ну, что, барон, пора, – сказал он. – Велите своим людям седлать коней. Покажем большевикам в Даурии – кто в этих краях хозяин.

– Будет исполнено, – хриплым голосом ответил барон. – Поверите ли, Григорий Михайлович, до чего мне осточертело сидеть в этой дыре. Скорее бы начать рубить этих ублюдков, посмевших поднять руку на государя. Вы ведь слышали, наверное, что император Николай Александрович со своей семьей был убит сворой висельников, дорвавшихся до власти. Хвала Всевышнему – великий князь Михаил Александрович уцелел. И хотя он сейчас сидит в цепях в камере Петропавловской крепости, недалек тот день, когда мы войдем в столицу Российской империи и увенчаем великого князя Михаила шапкой Мономаха.

Семенов покосился на своего собеседника, хотел ему ответить, но благо разумно промолчал.

«Да он же просто спятил, – подумал про себя есаул. – Господи, с какими людьми мне приходится делать великое дело?!»

Насчет императорского семейства у Семенова имелись несколько иные сведения. Живы, здоровы, и ничего с ними большевики не сделали. Живут в Гатчине, как простые обыватели, и в ус не дуют. А о великом князе Михаиле Александровиче говорили и вовсе невероятные вещи. Дескать, он добровольно пошел на службу к большевикам и командует у них целой гвардейской кавалерийской дивизией. Невозможно в такое поверить!

Но спорить с бароном есаул не стал. Уж слишком это было рискованным, да и абсолютно бесполезным занятием. Барон фон Унгерн-Штернберг, потомок рыцарей Тевтонского ордена, сейчас меньше всего был похож на своих остзейских предков. Старый однополчанин есаула, он в свое время был вместе с Семеновым направлен с фронта в Забайкалье, чтобы здесь сформировать из местных кочевых племен особую кавалерийскую часть. И, как ни странно, сто процентный немец с родословной и гербом гораздо быстрее нашел общий язык со здешними бурятами и монголами, чем сам Семенов, который родился в этих краях, хорошо знал их языки и обычаи и имел множество знакомых среди нойонов и торговцев скотом. Произошло это, скорее всего, потому, что есаул, родившийся в семье скотопромышленника и не имевший в роду ни одного дворянина, старался выглядеть так, как с его точки зрения должен выглядеть русский, пусть даже и казачий, офицер.

Барон же, не обращая внимания на утвержденные воинскими уставами правила ношения форменной одежды, напялил поверх офицерского мундира желтый китайский шелковый халат, а на шею повесил шнурок с каким-то языческим монгольским амулетом, заменяющим сейчас ему аксельбант.

Семенов даже не пытался делать ему замечания – он слишком хорошо знал характер барона и его бешеный нрав. К тому же, как ему не раз докладывали доверенные люди в окружении барона, тот злоупотреблял алкоголем и опиумом. Как писал в аттестации на Унгерна их бывший командир барон Врангель: «В нравственном отношении имеет пороки – постоянное пьянство – и в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира».

В 1916 году, находясь на излечении после очередного ранения, барон в пьяном безобразии набросился с пашкой на офицера одной из тыловых комендатур, за что был приговорен военным судом к трем месяцам содержания в крепости.

Но в то же время есаул Семенов знал, что барон Унгерн храбр до безумия и любит войну, как другие любят карты, вино и женщин. Воевать он начал в 1-м Нерчинском полку 10-й Уссурийской дивизии армии трагически погибшего генерала Самсонова и прославился лихими рейдами во вражеских тылах. Барон Унгерн безжалостно рубил своих соплеменников – солдат армии кайзера Вильгельма. В бою он не щадил никого, в том числе и себя. Подтверждением тому были четыре боевых ранения и пять орденов, в том числе Святого Георгия 4-й степени. Вон он – белый эмалевый крестик – висит на груди барона, выглядывая из-под отворота распахнутого китайского шелкового халата.

Силы, с которыми есаул решился отправиться в свой поход на Даурию, были небольшими – всего шестьсот сабель и десятка полтора пулеметов. Еще триста сабель – в отряде барона Унгерна. Но ведь и силы читинских большевиков тоже были незначительны для того, чтобы они смогли оказать ему серьезное сопротивление. К тому же в тылу у отряда Семенова находился японский отряд с полевой артиллерией, который, впрочем, до поры до времени не должен был вступать в вооруженное противостояние с представителями местной власти. И это совсем не потому, что японцы боялись начать войну с советской Россией. Просто на сынов Страны восходящего солнца ревниво поглядывали их соперники – представители САСШ, у которых были свои виды на русский Дальний Восток. И не стоило дразнить американцев, провоцируя их на вмешательство в русские дела. Гонимые от янки уже побывали в лагере Семенова, обещая щедрые денежные субсидии и помощь оружием и военным снаряжением.

Но есаул не сказал им ни да, ни нет. Хотя он и сделал уже свой выбор. Помогла ему в этом долгая беседа с одним милейшим японцем, который предпочел не называть свое имя. Семенов сумел через друзей в японском Генеральном штабе узнать, что довелось ему иметь дело с известным японским разведчиком Кэндзи Доихара, считавшимся в Токио специалистом по русскому Дальнему Востоку. Доихара довольно убедительно сумел объяснить есаулу, что для него предпочтительнее будет строить свои отношения не с американцами, а именно с ними, с японцами. Предпочтительнее по многим веским причинам, в числе которых были и соображения личной безопасности.

– Григория Михайровича, – говорил Доихара на довольно хорошем русском языке, – поймите правильно, эти крохоборы янки считают, что все на свете можно купить. Возможно, что в чем-то они правы. Но в этом существует и обратная сторона – если все можно купить, то, значит, все можно и продать. И они продадут вас, если решат, что без вас они смогут с большей прибылью вести свой бизнес. А мы, японцы, в душе, несмотря на то что сменили самурайские доспехи на европейскую военную форму, остаемся все теми же самураями, которые, спасая свою честь, совершают обряд сэпукку. Мы похожи на наши сабли, резвия которых – резвия старых прадедовских катан, а рукоятки скопированы с рукояток европейских сабель.

Есаул сделал из этой беседы должные выводы. И теперь он готов повести в бой свое воинство, которое огнем и мечом пройдет по Даурии и дойдет до Иркутска. Семенов знал, что только движение вперед поможет ему победить большевиков.

Да, противник слаб, плохо подготовлен и обучен. Но, несмотря на это, отряд будет нести потери – война есть война. Однако с его продвижением вглубь российской территории силы отряда будут только расти – к ним примкнут все, кто недоволен властью большевиков. И чем решительней и беспощадней он будет расправляться с представителями этой власти, тем меньше потом появится желающих снова поддержать ненавистных есаулу узурпаторов из Таврического дворца.

Поэтому следует придерживаться правила – твердость, жестокость, решительность! Только так можно навести порядок в Забайкалье.

Есаул Семенов, накинув полушубок и нахлобучив мохнатую казачью шапку, решительно вышел на улицу. Легкий морозец сразу же ущипнул за лицо, а под ногами захрустел недавно выпавший снег. Его воины уже были в седлах и ждали приказа своего командира и вождя.

Кого только среди них не было! Буряты, монголы, маньчжуры, китайцы – из числа тех, кто «прославился» у себя на родине уголовными делами, заслужил строгое наказание и, не дожидаясь казни, подался в отряд Семенова в расчете на веселую жизнь и богатую добычу. Были тут и русские, в основном казаки, были даже бывшие военнопленные – сербы, венгры, румыны и немцы. Все они считали своим командиром лишь его, есаула Семенова, и принесли клятву верности только ему одному.

– Ну что, ребята! – обратился к ним с крыльца есаул. – Покажем этим большевикам, где раки зимуют?

Большинство из его воинов, плохо зная русский язык, не поняли идиому. Но по тому, как были сказаны эти слова, они догадались, что их вожак приказывает им выступить в поход. В ответ раздались приветственные крики, в воздух взметнулись сотни рук с зажатыми в них пашками и саблями. Воинственный крик вырвался из сотен луженых глоток.

– Ребята! – снова воскликнул Семенов. – Я не буду никого ругать за то, что кто-то из вас перестарается и отправит к праотцам дюжину-другую невиновных. Но я строго накажу тех, кто пощадит хотя бы одного большевика. Только так мы сможем спасти нашу матушку Россию!

В ответ на эти слова снова раздались восторженные крики. Хотя большинству из воинства есаула было наплевать на эту самую «матушку Россию», но то, что есаул разрешил им безнаказанно убивать и грабить, воодушевило всех до полного обалдения.

Семенов вскочил на поданного ему коня, приподнялся на стременах и обернулся.

– В поход, на Даурию, – зычным голосом скомандовал он, – на рысях, марш-марш!

29 января 1918 года, вечер. Забайкалье, станция Даурия

Есаул Семенов нервно расхаживал по помещению станционного ресторана, превращенного им в импровизированный штаб. С самого начала все у него пошло совсем не так. Как всякий маленький Наполеон, есаул планировал разгромить немногочисленные красногвардейские отряды в одном приграничном сражении, а потом пройти до Читы победным маршем. Но большевики оставили даурские степи без боя, откатившись за Нерчинский хребет, и теперь собирали свои силы на станции Борзя.

Приграничный 86-й разъезд оказался брошен, железнодорожных рабочих на месте не оказалось, водокачка, поворотный круг и стрелки испорчены, запасы частью вывезены, а частью приведены в негодность. И так было на всех железнодорожных станциях в даурской степи, в том числе и здесь, на станции Даурия. Сегодня днем, едва выехав со станции, по неизвестным причинам взорвался паровоз, перевозивший состав с японскими солдатами капитана Окомуры, переодетыми в русскую форму.

Первое серьезное сопротивление отряды Красной гвардии оказали только на гребне Нерчинского хребта, где туземная кавалерия не имела преимуществ над большевистской пехотой, состоявшей большей частью из наспех вооруженных железнодорожных рабочих и бывших австро-венгерских военнопленных, не пожелавших с заключением мира возвращаться на родину. Именно там, в боях за хребет, как нельзя кстати пришлось бы японская пехота, поддерживаемая артиллерией. Японские покровители торопили Семенова, чтобы он поскорее занял Читу и провозгласил отделение Забайкальского края от большевистской России. Что-то складывалось не так в мировой политике. В Токио нервничали и понуждали его, есаула Семенова, к более решительным действиям и в связи с этим даже разрешили ввести в дело приданный ему японский отряд.

Барон Унгерн, по своему обыкновению первым ринувшийся в бой, тоже попал на хребте в засаду, где получил пулю в левое предплечье и осколок ручной гранаты в голову. Но Бог чертушку миловал. Пуля, попавшая в руку, не задела кость, и рана оказалась неопасной. Осколок же был на излете и лишь рассек кожу на лбу. Теперь бешеный барон, перемотанный окровавленными бинтами, сидел тут же и, прихлебывая чай со спиртом, прищуренными глазами наблюдал за Семеновым.

Несмотря на свою малограмотность, Семенов понимал, что время сейчас работает против него. Застрянь он тут, на Нерчинском хребте, и ни о какой серьезной помощи со стороны японцев можно будет и не мечтать. А большевистское правительство в Петрограде, уже решившее свои проблемы в центральных и малороссийских губерниях, вполне может направить сюда по Транссибу свою Красную гвардию, о деяниях которой наслышаны все. Да и местные большевики тоже не будут сидеть сложа руки.

Семенову уже доложили, что совсем недавно в Чите появился какой-то бывший прапорщик Лазо, тут же развивший бешеную деятельность, сколачивая из разрозненных отрядов сторонников большевиков местную бригаду Красной гвардии, ядром которой стал полностью большевизированный Первый Аргунский казачий полк, казармы которого, кстати, располагались как раз здесь, на станции Даурия.

Есаулу стали известны фамилии нескольких местных большевистских заводил, и он, как и обещал, устроил расправу над их родными. В этом деле особенно отличились подчиненные барона Унгерна. Не отставал от них и назначенный Семеновым комендантом станции подъесаул Тирбах. Пороли и вешали, не жалея ни баб, ни стариков, ни детей. Сам же Семенов считал, что в уже начатой им гражданской войне всякая мягкотелость и гуманность должны быть отброшены.

Не оправдались надежды есаула и на массовое выступление казаков в большевистских тылах. Результат рассылки воззваний оказался ничтожный. Конечно, на его стороне узкий круг богатых казаков, уже давно занимавшихся торговлей и ростовщицеством. Но эти люди составляли в казачьей массе абсолютное меньшинство и, как правило, сами не рвались проливать кровь за освобождение России от большевистской заразы. Основная же масса казаков устала от затяжной трехлетней войны, а ее беднейшая часть, кроме того, всецело находилась под влиянием большевиков, обещавших им новую счастливую жизнь.

Поднять их на восстание против большевистской власти могла только какая-нибудь сделанная ею глупость, вроде ликвидации казачьего сословия. Но в Петрограде глупостей делать не желали и, как уже стало известно Семенову, всячески одергивали своих не в меру горячих местных товарищей.

Декрет о советском казачестве, текст которого был найден на станции Даурия, был внимательно изучен есаулом Семеновым и вызвал у него досаду. Получалось, что большевики опять его обошли.

Единственным шансом для есаула Семенова было взять Читу и провозгласить себя походным атаманом Забайкальского казачьего войска. В случае успеха японцы обещали офици-

ально признать его правителем Забайкалья и оказать помощь людьми, оружием, боеприпасами, артиллерией и бронепоездами.

Теперь же, вместо стремительного продвижения вперед, он топчется здесь, у подножья Нерчинского хребта. Надо срочно отправлять отряд капитана Окомуры к фронту, но как это сделать, Семенов не понимал. Пешим порядком их не пошлешь – японские солдаты не привычны к сибирским морозам и просто замерзнут в пути. Новый паровоз со станции Маньчжурия Семенов уже вызвал. Но пока он придет, пройдет немало времени. Задержка бесила – и так на исправление стрелок и приведение в порядок водокачек ушло почти полтора дня. А что будет дальше, если, прорвавшись за Нерчинский хребет, он и там обнаружит такие вот сюрпризы? К тому же начала портиться погода, а это грозило его планам дальнейшими задержками.

29 января 1918 года, вечер. Забайкалье, станция Борзя

Комиссар Забайкальской бригады Красной гвардии Сергей Лазо только что вернулся с перевала на Нерчинском хребте, где сводный батальон под командованием Дмитрия Шилова, состоящий из читинских рабочих и мадьяр-интернационалистов, второй день отбивал атаки разноплеменных семеновских отрядов. Аргунцев, полностью собранных и готовых к бою, они с Зиновием Метелицей держали пока в резерве. Если Семенов все же сумеет подтянуть к хребту имеющуюся у него японскую артиллерию, то читинцы не выдержат натиска и будут вынуждены отступить. Правда, внушала надежду телеграмма, полученная им от командира питерского отряда товарища Бесоева, выехавшего из Петрограда к нему на помощь. В ней говорилось:

«Дядюшка Сосо и дядюшка Вова передают вам горячий привет и одобряют ваше последнее решение. Они о вас помнят и беспокоятся – все ли у вас в порядке. Буду в Чите четвертого-пятого февраля. Везу триста первоклассных острых карандашей, пирамидон от головной боли и погремушки. С приветом, твой кузен Николай».

Судя по дате, телеграмма была отправлена сегодня утром из Екатеринбурга. Расшифровал ее Сергей Лазо на раз. Дядюшка Сосо и дядюшка Вова – это предсовнаркома Иосиф Сталин и председатель ВЦИК Владимир Ленин.

То, что они помнят и беспокоятся – это очень хорошо. Ощущая за спиной поддержку Центра, он чувствовал себя спокойнее. Про карандаши и погремушки тоже все было понятно. Первые – это элитные бойцы питерской Красной гвардии, уже участвовавшие в боях за Ригу, а вторые – это обещанный бронепоезд и, возможно, артиллерия и броневики. Такие погремушки тут не помешали бы.

Но вот что такое пирамидон – Сергей Лазо никак понять не мог. Терялись в догадках и Зиновий Метелица, и Георгий Богомятков, и Фрол Балябин, которым Лазо показал эту телеграмму. Все трое сошлись лишь на том, что головная боль – это явно Семенов, и есаула в самом ближайшем будущем ждет большой и неприятный сюрприз.

К тому же небо, до того ясное до прозрачности, к вечеру стало затягивать хмарью. Если бы Сергей Лазо был синоптиком, то он бы сказал, что, сменяя область высокого давления, из Арктики на юг движется холодный циклон, несущий с собой большие массы снега и ураганный ветер.

– Будет буран, – в один голос заявляли аргунцы, родившиеся и выросшие в этих местах. И уроженец теплой Бессарабии Сергей Лазо был склонен им верить.

В этих краях зимняя непогода могла затянуться и на день, и на два, и даже на неделю. Насчет окопавшихся на перевале читинцев Сергей Лазо не беспокоился. Еще готовясь к обороне, они соорудили снабженные чугунными печками и обложенные камнями полуземлянки

и вполне могли пересидеть в них буйство стихии. А вот семеновскому сброду, не имеющему таких укрытий, придется нелегко. И, скорее всего, есаул на время непогоды оттянет своих людей к ближайшему жилью на южном склоне Нерчинского хребта – стациональному поселку Харанор. Этот буран даст красногвардейцам дополнительный выигрыш во времени и позволит, хоть и ненадолго, сдержать Семенова на перевале.

К тому же из поездки к читинцам Сергей Лазо привез четверых пленных: двух монголов, горбоносого румына и китайца. Для пущего психологического эффекта допрашивали пленных при всем честном народе, чтобы аргунцы и постепенно подходящие к ним добровольцы знали, что за люди идут освобождать их от советской власти, и что они несут на забайкальскую землю. Румына Лазо допрашивал лично – как-никак сосед и почти родственник. К тому же молдавский язык был похож на румынский. А среди казаков оказалось немало тех, кто хорошо знал монгольский и китайский, ведь граница – вот она. С соседями по ту сторону государева рубежа тут когда торговали, а когда и резались не на жизнь, а на смерть.

Короче, поговорили. Пленные подтвердили сведения и о японском отряде с артиллерией, и о том, что войско Семенова состоит в основном из инородцев, а русских и особенно казаков в нем очень мало.

Когда импровизированный допрос-митинг был закончен, то пленные, по требованию казаков, по совокупности совершенных ими преступлений, были приговорены к виселице. Монголы и китаец приняли приговор спокойно. Они и у себя на родине были преступниками, которых в случае поимки ждало кое-что похуже обычной веревочной петли. Китайское правосудие – оно изощренное, может придумать такое наказание, что белому человеку и на голову не налезет.

А вот румын, тот ползал у Лазо в ногах, умоляя простить его. Но судьи, в роли которых выступили все аргунцы, были непреклонны. И вскоре все четверо уже висели на ближайшем дереве.

– Товарищи, – сказал Лазо столпившимся вокруг него казакам, когда экзекуция была закончена, – видите, никакая это не гражданская война, а самая что ни на есть неприкрытая иностранная агрессия против нашей страны и молодой советской власти. Эти люди идут на нашу землю не бороться за те свободы, которые они обещают, и не за счастливую жизнь для казаков и рабочих. Они идут грабить и убивать. Поэтому не может быть им никакой пощады! Запомните это сами и передайте другим. Или мы победим, или на нашей земле с благословения заморских хозяев господина Семенова воцарится самый настоящий ад кромешный.

30 января 1918 года. Баку. Бакинский комитет РСДРП. Председатель Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов Степан Георгиевич Шаумян

Получив вчера депешу из Петрограда, я внимательно ее изучил, но так толком ничего и не понял. Ясно было лишь одно – председатель Совнаркома товарищ Сталин, с которым я был знаком еще с 1904 года, недоволен происходящими в Баку событиями. В депеше было написано, что в Баку по железной дороге направлен батальон регулярной Красной гвардии из состава корпуса товарища Бережного, а также группа ответственных товарищей, которые должны помочь нам установить в городе и в его окрестностях советскую власть.

Вот так вот, ни больше, ни меньше – установить советскую власть!

Но ведь советская власть в Баку уже была нами установлена еще в октябре прошлого года, сразу же после отставки Керенского и формирования в Петрограде правительства большевиков! Как прикажете тогда понимать сие послание?! А уже в декабре того же года мы приступили и к формированию своей, бакинской, Красной гвардии! Правда, формирование идет с трудом, нам не хватает оружия и командиров с боевым опытом, но все-таки процесс сдвинулся с мертвой точки. Еще немного, и бакинский Совет будет иметь в своем распоряжении воору-

женную силу, которая в случае необходимости встанет на защиту новой власти. И что же теперь получается? И власть у нас в Баку не совсем советская, и Красная гвардия – ненастоящая?!

Я долго не мог успокоиться и все ломал голову над тем, что послужило причиной отправки мне подобной телеграммы. Ведь я хорошо знаю товарища Сталина – он никогда ничего не делает просто так.

Конечно, я не обольщаюсь и не считаю, что все у нас здесь идет хорошо. Надо прямо смотреть правде в глаза, и тогда придется признать, что политическая ситуация у нас в Баку очень сложная.

Взять, к примеру, наш Совет. Действительно, Совет у нас в Баку несколько своеобразный. В нем заседают представители не только большевиков, но и левых эсеров, меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. Есть даже депутаты от старообрядцев-молокан, для которых социалистические лозунги – самая настоящая китайская грамота. И очень часто на заседаниях Совета вспыхивают межпартийные и межнациональные ссоры и дразги. В такой обстановке Совету бывает очень трудно принять какое-либо согласованное решение.

К тому же надо признаться, что полной монополии на власть в Баку у Совета нет. Существует еще и некий «Комитет общественной безопасности», который образовали представители некоторых левых партий, покинувшие наш Совет. А если вспомнить еще о городской думе и исполнительном комитете общественных организаций, доставшихся нам от Временного правительства, а также о фабричных, военных, флотских и прочих советах и комитетах, которые выносят решения, абсолютно не заботясь о том, будут ли они хоть кем-нибудь выполнены, то вообще получается полный бардак...

Вздыхнув, я подошел к окну и выглянул на улицу. По Меркурьевской протарахтело авто, а вслед за ним пробрел навьюченный тюками верблюд, которого вел седобородый старик в лохматой папахе и дырявой чухе – черкеске.

Вот он, Баку – город наполовину европейский, наполовину – азиатский. Легко им там, в Петрограде, сидеть и давать указания, разъясняя нам, как себя вести. А попробовали бы они тут, в Баку, провести какое-либо решение, которое устраивало бы всех!

Что же касается Красной гвардии, то она хотя и фактически еще только формируется, но вступают в нее в основном пролетарии, рабочие бакинских нефтепромыслов, которые плохо обучены и вооружены, но готовы не на жизнь, а на смерть сражаться с врагами революции. Если же учесть, что в городе стихийно стали возникать армянские и азербайджанские вооруженные формирования, то ситуация начинает напоминать бочку с порохом...

В общем, случись чего, с теми, кто попытается поднять в городе вооруженный мятеж, будет справиться нелегко. Рассчитывать же на войска Кавказского фронта, которые фактически прекратили боевые действия и больше думают о том, как бы им быстрее «самодемобилизоваться», было просто смешно. У солдат, которые уже не считают себя солдатами, местные националисты где скупают, а где открыто отбирают оружие. В результате возникло множество вооруженных банд – иначе я их назвать не могу, – которые под революционными лозунгами занимаются грабежом мирного населения. А по Баку беспечно слоняются группы солдат Кавказского фронта и матросов Каспийской флотилии, которые плевать хотели на все городские власти, вместе взятые, и требуют хлеба и мест в поездах и на пароходах, чтобы побыстрее уехать из Баку в Россию.

Самым же опасным я считаю межнациональные дразги. Раздоры между армянами и азербайджанцами начались не вчера, а сотни лет назад. Видя, как на заседаниях Совета дашнаки и мусаватисты с трудом сдерживают себя, чтобы от ругани не перейти к мордобою, а то и к стрельбе с поножовщиной, я с ужасом думаю о том, что может произойти на улицах Баку, если враждующие народы, у боевых отрядов которых теперь на руках достаточно оружия, вцепятся друг другу в глотки и начнут сражаться не на жизнь, а на смерть. Тогда кровь польется рекой,

жертвы будут считать сотнями, а то и тысячами, а виновными во всем будем мы – власть, которая не смогла удержать людей от взаимной резни.

И виной всему – нефть, которая является нашим благом и нашим проклятием. Пятнадцать процентов всей нефти в мире добывается в Баку. Здесь сталкиваются интересы не только российских промышленников, но и иностранных капиталистов, таких, например, как миллионер Рокфеллер.

Не дремлют и зарубежные государства, которые решили воспользоваться временным безвластием в России и под шумок наложить свою лапу на нефтяные промыслы Баку.

Больше всех здесь намутили воду турки. Правда, сейчас, после того как Германия, разбитая у Моонзунда и под Ригой, поспешила выйти из войны с Россией, турки убавили свою прыть. До меня дошли слухи о том, что Советское правительство якобы начало тайные переговоры со Стамбулом о заключении мирного договора. Не знаю, насколько достоверна эта информация, но могу сказать лишь одно – после многих поражений на Кавказском фронте турки сейчас не проявляют особой боевой активности. Но, по моим данным, они продолжают тайком оказывать помощь, в том числе и оружием, азербайджанским сепаратистам, которые решили создать себе независимую от России, но вполне зависимую от Турции «свободную мусульманскую республику» со столицей в Елизаветполе¹.

Особую активность среди турецких военачальников развил главнокомандующий Восточной армией Вехиб-паша, за которым стоит сам главнокомандующий турецкими вооруженными силами Энвер-паша. Как нам удалось узнать, Вехиб-паша – этот хитрый и подлый албанец – начал тайные переговоры с командующим Кавказской армией генералом Пржевальским. Вехиб-паша предлагает генералу заключить некое сепаратное «перемирие», ссылаясь на то, что нынешнее правительство в Петрограде не имеет реальной власти. Генерал, как я понял, колеблется и еще не сказал ни да, ни нет. Он явно не выступает против правительства большевиков, но в то же время игнорирует приказы, получаемые из Петрограда. А это весьма тревожный сигнал. Если Вехиб-паша сумеет уговорить генерала Пржевальского начать переговоры, то узнав об этом, солдаты, которые поймут, что воевать им больше не придется, просто самовольно покинут свои позиции и отправятся по домам. Фронт рухнет, и турки при желании смогут беспрепятственно двинуться на Баку, чего нельзя допустить ни в коем случае.

Кроме того, турецкие власти продолжают активно помогать оружием и агитаторами горцам на Северном Кавказе. Они под знаменем имама Шамиля снова пытаются объявить газават – «священную войну» против неверных, и захватить в Дагестане Темирхан-Шуру и Порт-Петровск. Если это случится, то Баку потеряет сухопутное сообщение с Россией.

В общем, как говорит в подобных случаях товарищ Ленин, ситуация архисложная. Конечно, помощь из Петрограда нам очень нужна, но только во что она выльется? Не подомнут ли под себя наши Советы прибывшие из центра уполномоченные? Если мы сейчас худо-бедно поддерживаем хрупкое равновесие между враждующими между собой партиями и группами, которые вынуждены признавать нашу власть исключительно из-за того, чтобы не попасть в зависимость от своих политических противников, то смогут ли добиться того же «варяги» из Петрограда?

Кроме того, с этими питерскими товарищами прибывает и батальон регулярной Красной гвардии, что само по себе звучит грозно. Возникает вопрос – имея свою вооруженную силу, не расформируют ли они наши, собранные с таким трудом отряды вооруженных бакинских рабочих. Как я слышал, в Корпусе Красной гвардии на высших командных должностях служат бывшие царские офицеры и генералы! Если сие соответствует действительности, то это просто чудовищно!

¹ Так в 1918 году называлась Гянджа.

Что же делать, с кем посоветоваться? Я не находил себе места. А тут из Петрограда пришла новая телеграмма:

«Эшелоны с батальоном Красной гвардии прибывают в Баку тридцать первого января по новому стилю. Командир батальона – товарищ Сергей Рагуленко. Встречайте.

С коммунистическим приветом, предсовнаркома Иосиф Сталин».

«Господи, – подумал я, – ведь тридцать первое января – это завтра!»

31 января 1918 года, утро. Баку, Тифлисский железнодорожный вокзал

Серый, словно посыпанный пеплом, бронепоезд, весь в белых разводах и пятнах зимнего камуфляжа, с большой надписью на борту «Советский Петроград», медленно втянулся на первый путь и с лязгом замер у перрона. Дезертиры, увидев бронированное чудовище, предпочли ретироваться, чувствуя, что прибытие этого поезда грозит им большими неприятностями. С лязгом открылись бронированные двери вагонов, и на перрон высыпали бойцы десанта, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками и одетые в такие же, под цвет бронепоезда, серые с белым бушлаты и мохнатые папахи с красными звездочками.

Следом за бронепоездом на второй путь начал втягиваться эшелон, состоящий из пары классных вагонов, теплушек и платформ с закутанными брезентом машинами. Батальон регулярной Красной гвардии прибыл в Баку.

Степан Шаумян пришел встречать петроградцев в сопровождении своих товарищей по Бакинскому комитету РСДРП(б): Прокофия Джапаридзе, Ираклия Метаксы, Нариман-бека Нариманова, Ивана Фиолетова, Якова Зевина и Азиз-бека оглы Азизбекова, а также небольшого отряда бакинских красногвардейцев.

«Да, это сила! – подумал про себя Шаумян. – Теперь понятно, почему войска кайзера были разбиты под Ригой. Это настоящие солдаты, а не наши рабочие нефтепромыслов и портовые грузчики, которым дали в руки винтовки».

Вздыхнув, Шаумян понял, что ему придется передать власть в руки уполномоченных из Центра. Если сказать честно, бакинская чехарда и безвластие ему уже порядком надоели. Тем более что все шло от плохого к худшему. Он вынужден был лавировать между различными политическими группировками, которые не имели достаточных сил, чтобы взять и удержать власть, но которым этих сил вполне хватало, чтобы не дать своим оппонентам заняться созидательной работой.

Из классного вагона вышли двое. Один из них был небольшого роста, в черном пальто с каракулевым воротником и шапке пирожком. Другой, высокого роста, широкоплечий, в таком же, как у стрелков, пятнистом бушлате, туго перетянутом ремнями офицерской портупей.

В наступившей напряженной тишине гости из Петрограда направились к группе местных товарищей.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал человек в штатском. Шаумян узнал в нем журналиста из владикавказской газеты «Терек», который, как он слышал от товарищей, привлекался в свое время царским правительством по делу подпольной типографии в Томске, был арестован, но выпущен из-за отсутствия улик. Он публиковал в «Терек» интересные материалы под псевдонимом «Киров». Оказывается, что он не только в прошлом неплохой журналист, но теперь еще и представитель петроградской власти.

Тем временем Киров достал из внутреннего кармана пальто сложенную вчетверо бумагу и протянул ее Шаумяну.

Это был мандат, подписанный предсовнаркома Сталиным, в котором говорилось, что товарищ Костриков Сергей Миронович является специальным представителем Совнаркома на Кавказе.

– Я послан к вам, – сказал Киров, – для того, чтобы помочь вам разобраться в политической обстановке, которая сложилась на Северном Кавказе и Закавказье, и оказать содействие в установлении подлинной советской власти и организации корпуса Красной гвардии. Ну, и для организации бесперебойного снабжения Советской России нефтью. А это товарищ Рагуленко – командир сводного батальона Красной гвардии. С ним – пятьсот штыков личного состава, один бронепоезд и десять пушечных бронированных боевых машин на гусеничном ходу.

– Товарищ Костриков... – начал было Шаумян, но представитель Совнаркома прервал его жестом руки.

– Можете называть меня по партийному псевдониму – Киров, – сказал он, – многие товарищи его знают лучше, чем мою фамилию.

– Так вот, товарищ Киров, – поправился Шаумян, – я хочу поблагодарить товарища Сталина за реальную помощь. Обстановка у нас в Баку действительно сложилась трудная, и без поддержки Петрограда мы вряд ли сможем удержать в городе советскую власть.

Киров понимающе кивнул головой. О бакинских делах он знал лишь по тем материалам, с которыми его познакомили в Петрограде. Но нечто похожее происходило и во Владикавказе. Лишь стоило центральной власти пошатнуться, как из всех щелей повывезали местные наполеоны, которым хотелось обустроить отдельно взятое ханство, эмиратство, государство в отдельно взятом хуторе, станице, ауле. Самое поганое заключалось в том, что за этими наполеонами была какая-никакая вооруженная сила. И одной лишь грубой силой порядок тут не навести. Можно, конечно, снести артогнем мятежный аул или станицу, но это могло лишь еще больше раскочегарить пламя мятежа.

– Вот что, товарищ Шаумян, – сказал Киров, – негоже решать серьезные дела прямо тут, на перроне. Давайте проедем к вам в Бакинский комитет РСДРП, где и продолжим нашу беседу.

31 января 1918 года. Баку, Бакинский комитет РСДРП. Председатель Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов Степан Георгиевич Шаумян

– Товарищ Шаумян, – произнес Киров после того, как все расселись за длинным столом для заседаний, – я хочу передать вам слова товарища Сталина, которыми он напутствовал меня перед отъездом в Баку. Он сказал буквально следующее: «Товарищ Киров, помните, что у советской России лишь один источник нефти, и он находится в Баку. От того, в чьих руках он находится, во многом будет зависеть судьба нашей власти».

– И он, безусловно, прав, – продолжил Киров. – За нефть мы должны драться не на жизнь, а на смерть. Можно понять сложность сложившейся в Баку обстановки, но это не дает нам права оправдывать свою бездеятельность и нерешительность. Я знаю, что Кавказский фронт практически весь разложился, и большинство солдат дезертировало. А те, кто еще не успел это сделать, не желают воевать и бросят свои позиции, лишь только турецкие войска начнут наступление. А они будут наступать. Да, правительство Турции ведет с нами переговоры о прекращении боевых действий. Но местные турецкие военачальники могут начать наступать на свой страх и риск.

Не стоит забывать и о британцах, с которыми у нас состояние необъявленной войны. Они сейчас находятся в Персии, откуда не так далеко до Баку. Я уже не говорю о местной контрреволюции и сепаратистах, провозгласивших Закавказский комиссариат, который спешно был создан в Тифлисе и в котором собрались все враги советской власти – от грузинских меньшевиков и армянских дашнаков до азербайджанских мусаватистов. Они в своей декларации провозгласили, что будут ждать решения Учредительного собрания, которому и передадут власть. Но на самом деле они под патронатом консулов стран Антанты в Тифлисе готовятся провозгласить независимые от советской России буржуазные республики.

Товарищ Киров сделал паузу и вздохнул.

– Между прочим, дашнаки и мусаватисты преспокойно заседают у вас в Бакинском Совете рабочих и солдатских депутатов. Я понимаю, что они избраны теми, кому они сумели заморочить головы. Но долго так продолжаться не может. Надо в самое ближайшее время под каким-либо формальным предлогом распустить этот Совет и провести новые выборы. А перед этим начать массированную агитацию рабочих и крестьянских масс, в ходе которой рассказать всем трудящимся о подлинном лице этих националистов, прикрывающихся социалистическими лозунгами.

– Да мы все прекрасно понимаем, товарищ Киров! – воскликнул я. – Только и вы нас поймите – мы здесь оторваны от России, и ваш приезд – это первая реальная помощь Центра Бакинскому Совету.

– Именно потому товарищ Сталин и прислал нас сюда, – сказал Киров. – Давайте все вместе подумаем – что можно сделать в самое ближайшее время для того, чтобы установить в Баку подлинную власть Советов.

Товарищ Киров перевел дух и оглядел сидящих за столом членов Бакинского комитета РСДРП(б).

– И еще, товарищ Шаумян, – произнес он, – будьте осторожны в национальном вопросе. Совершенно недопустимо привлекать отряды дашнаков для борьбы с мусаватистами, и наоборот. Лучше всего, если они будут бороться против внешней агрессии. Армянские отряды можно направить в отвоеванную у турок так называемую Турецкую Армению. Армяне должны понять грозящую им опасность – войска Кавказского фронта, как я уже говорил, практически небоеспособны, и если турки начнут поход на Баку, противостоять им будет просто некому. В районе Александрополя находится отряд Андраника Озаняна, но ему в одиночку натиск турок не выдержать.

– А что будут делать азербайджанские воинские части? – поинтересовался Нариманов.

– Если надо, – сказал Киров, – то и они тоже пойдут в бой, причем под командой человека, которому они полностью доверяют.

Товарищ Киров сделал паузу, оглядел присутствующих и веско сказал:

– И этот человек – генерал Гуссейн Хан Нахичеванский.

Услышав эти слова, я окаменел. Не может такого быть! Царский генерал и во главе азербайджанских частей Бакинского Совета! Может быть, товарищ Киров пошутил?!

Но нет, не похоже. Полномочный представитель Совнаркома смотрел на присутствующих серьезно, без тени улыбки. Ему явно было не до шуток.

– Удивлены? – спросил Киров. – Я, если сказать честно, тоже был слегка удивлен, когда товарищ Сталин назвал мне это имя. Но, с другой стороны, почему бы этому славному воину не послужить советской России? Уж если сослуживцы Хана Нахичеванского честно служат нам, почему бы и ему не присоединиться к ним на службе советской власти.

– Простите, товарищ Киров, – осторожно поинтересовался я, – а кто его сослуживцы?

– Это генерал Карл Маннергейм, который сейчас помогает устанавливать советскую власть в Финляндии. И... приготовьтесь удивиться, – сказал Киров, сделав паузу, – генерал Михаил Александрович Романов – брат бывшего императора Николая Второго, командующий конно-механизированной бригадой корпуса Красной гвардии!

Хотя товарищ Киров и предупредил нас заранее, но у меня от сказанных им слов в глазах буквально потемнело, а кто-то из моих товарищей по Совету охнул и выругался по-азербайджански.

– Товарищ Киров! – воскликнул я. – Да что там у вас в Петрограде – все с ума посходили?! Разве можно оставлять оружие и власть классовым врагам?!

– Можно! – твердо сказал Киров. – Для нас, большевиков, честно служащий советской власти генерал более ценен, чем прекрасодушный болтун самого что ни на есть пролетарского происхождения! По делам надо судить о людях, а не по их фамилиям и титулам! Если человек

принял советскую власть, то и она тоже должна его принять и использовать все его таланты и авторитет на благо всех народов, населяющих Российскую Советскую Республику. Надеюсь, вам это понятно?

– Да, товарищ Киров, – растерянно пробормотал я, – понятно. Но что же нам делать прямо сейчас?

– Сейчас, товарищ Шаумян, – ответил Киров, – необходимо установить в Баку советскую власть не на словах, а на деле. Надо послать большевистских агитаторов на корабли Каспийской флотилии. Канонерские лодки «Ардаган» и «Карс» с их мощными 120-миллиметровыми орудиями вместе с артиллерией нашего бронепоезда могут разнести в клочья любой вооруженный отряд, который открыто выступит против советской власти. Но, как мне кажется, такие безумцы теперь вряд ли найдутся. Надо переформировать ваши разрозненные красногвардейские отряды в части регулярной Красной гвардии, вооружить их конфискованным у дезертиров оружием и взять под их контроль основные объекты города, а именно – почту, телеграф, телефонную станцию, банки и градоначальство. Товарищ Рагуленко с сегодняшнего дня назначается военным комендантом города и командующим гарнизоном, и по всем военным вопросам обращайтесь именно к нему.

Товарищ Киров встал и еще раз посмотрел оценивающим взглядом на меня и моих товарищей по Бакинскому комитету РСДРП(б).

– Ну вот, для начала все, – уже мягче сказал он. – Завтра, с утра, я попрошу всех снова собраться здесь, чтобы обсудить дальнейший план действий...

3 февраля 1918 года, вечер. Забайкалье, станция Борзя

Пурга бушевала целых три дня: тридцатого, тридцать первого и первого числа. Когда вчера утром все наконец-то успокоилось, то отряды есаула Семенова снова полезли вперед. На перевале через Нерчинский хребет опять возобновились ожесточенные бои немногочисленных красногвардейцев и интернационалистов с семеновской бандой и с пока еще замаскированными интервентами.

В конечном итоге все решили пушки японского батальона. Понеся большие потери, с наступлением темноты отряд читинских рабочих, сумевший задержать врага еще на одни сутки, вынужден был отойти к станции Борзя. Складки местности и завалы из камней, хорошо защищавшие от винтовочных пуль, были бессильны против японских шимозных осколочных снарядов. Хорошо, что у японцев были только полевые крупновские 75-миллиметровки времен прошлой войны. Найдись у них под рукой гаубицы крупного калибра, тогда все могло бы быть значительно хуже.

За то время, пока читинцы сдерживали врага на перевале, на станцию Борзя к красногвардейцам успело подойти подкрепление. Добровольцы подходили как россыпью, группами по несколько человек, так и организованно в виде целых отрядов, состоявших в основном из бывших фронтовиков, принявших новую власть.

Был среди этих отрядов и Колуньско-Зоргоско-Газимуровский батальон, под командованием Прокопа Атавина, в прошлой истории именовавшийся бригадой Кол-Зор-Газа. Весть о том, что есаул Семенов ведет на их землю всякое бандитское отребье, чтобы восстановить власть богатеев, и что значительная часть семеновцев – это китайские и монгольские разбойники, широко разошлась по станицам и селам Забайкалья. За оружие взялись все – не только рабочие, казачья и крестьянская беднота, но и середняки, и даже некоторые зажиточные казаки, которые понимали, что если воинство есаула Семенова войдет в их края, то пощады не будет никому. Кто такие хунхузы, здесь все знали хорошо.

Прибывшие на подмогу читинцам тут же принялись рыть окопы. И хоть долбить мерзлую землю было нелегко, но фронтовики знали, что если у врага есть пушки, то только надежный окоп сможет спасти бойца от неминуемой смерти при артобстреле. Уговаривать никого не

приходилось – все вгрызались в землю как каторжные, да так, что вспотели, будто не лютый февраль стоял на дворе, а жаркий август. Фронтовики помнили старую армейскую поговорку: «Лучше два аршина окопа, чем три аршина могилы».

С рассветом семеновцы возобновили свое наступление, и к десяти часам утра заняли станцию Соктуй и 81-й разъезд, находящийся в девятнадцати верстах от станции Борзя.

Первая атака баргунто-чахарской кавалерии, проведенная на станцию Борзя около полудня, не принесла Семенову ничего, кроме немалых потерь. Пулеметы выкашивали кавалеристов в подбитых ватой халатах и мохнатых шапках, которые, размахивая кривыми саблями, упрямо мчались вперед на маленьких лохматых конях. Степные всадники один за другим валились на землю и, наконец, не выдержав точного пулеметного и винтовочного огня, повернули назад.

Оттянув назад остатки своей кавалерии, Семенов погнался в атаку китайскую пехоту. Но она, увидев пространство перед окопами читинцев, заваленное лошадиными и человеческими телами, шла вперед неохотно и, попав под точный ружейно-пулеметный огонь, откатилась назад. А на флангах семеновцев, вырубая немногочисленные дозоры и разъезды, кружились сотни Аргунского полка, состоящие из опытных бойцов. Они не давали противнику охватить позиции обороняющихся и угрожали воинству есаула Семенова полным разгромом в случае неудачи наступления.

Увидев, что с наскока позиции красногвардейцев не взять, есаул понял, что пока он почти десять дней с задержками и остановками добирался от границы до станции Борзи, большевики зря времени не теряли. Они успели стянуть на этот рубеж значительные силы, и теперь Борзю ему будет взять непросто. Оставалась надежда только на японскую артиллерию и кадровых солдат микадо, которых на перевале спешно погрузили в вагоны, и сейчас паровоз тащил состав прямо к месту боя, для того чтобы пушки, так хорошо поработавшие на перевале, смогли принять участие и в этом сражении.

Часам к трем, когда защитники станции успели отбить еще две атаки, пушки наконец были доставлены и выгружены. Заняв позиции, артиллерия начала обстрел позиций большевиков, пока, впрочем, безрезультатный. Хотя разрывы фугасных снарядов, начиненных шимозой, выглядели довольно устрашающе, убитых и раненых защитников станции Борзя было немного. Но со стороны все выглядело жутко. Станцию заволочило черным душливым дымом, и казалось, что там горит все, что может гореть, и даже то, что гореть не может. Несколько снарядов было выпущено и в сторону маячивших на горизонте конных сотен Аргунского полка, правда, скорее, больше с расчетом напугать противника и заставить его ретироваться.

После часовой артподготовки семеновцы снова пошли в атаку, но были отбиты с немалыми потерями. Приближался вечер, и ожесточение боя нарастало. После второй безуспешной атаки есаул Семенов снова приказал открыть по станции артиллерийский огонь и вести его до тех пор, пока там не будет уничтожено все живое.

Положение обороняющихся осложнилось. Вырытые ими в промерзшей земле неглубокие окопы были частично разрушены, а почти половина бойцов, оборонявших станцию, была ранена или убита. Немало оказалось жертв и среди мирных жителей, как на самой станции, так и в пристанционном поселке. Японские артиллеристы вели беглый огонь, не особенно разбирая – на чьи головы упадут выпущенные ими снаряды.

Потери были и среди командования бригады. От близкого разрыва японского снаряда погиб командир читинского отряда Дмитрий Шилов, были ранены Прокоп Атавин, Зиновий Метелица и сам Сергей Лазо, которому полоснул по плечу осколок. Держались красногвардейцы лишь на русском упрямыстве, да еще надеясь на подмогу. В кармане у Сергея Лазо лежала телеграмма от товарища Бесоева, отправленная сегодня утром из Иркутска.

«Лечу как на крыльях и вместе со всем семейством буду у вас завтра рано утром. Встречайте. С приветом, твой кузен Николай».

Лазо прекрасно понимал, что если они сейчас отдадут станцию есаулу Семенову, то чтобы вернуть ее потом, придется заплатить большую цену. Протекающая за станцией одноименная быстрая горная речка зимой являлась хорошим рубежом обороны. Поэтому надо было держаться изо всех сил, несмотря на непрекращающиеся атаки семеновцев и большие потери.

Вскоре стемнело, и японские артиллеристы уже не видели цели, по которым следовало вести огонь. С беглого огня они перешли на беспокоящий, делая наугад в темноте по одному выстрелу каждые пять минут. Этим они мешали защитникам станции отдыхать и приводить в порядок разрушенные за день укрепления. Но в окопах сидели бывалые солдаты, многие из которых прошли Германскую войну. То, что было сегодня, ни в какое сравнение не шло с тем, что им пришлось пережить на фронте под Барановичами, Луцком или на Стоходе.

Командиры же тем временем собрались на совещание в кирпичном станционном пакгаузе, находившемся за пределами семикилометровой дальности стрельбы короткоствольных японских пушек «тип 41».

– Ну, что будем делать, товарищи? – спросил Георгий Богомялков. – Еще одного дня такой мясорубки нам не выдержать. Раскатают нас семеновцы, эти их мать, своими пушками и спокойненько пройдут по нашим трупам.

– Надо держаться, – твердо сказал Сергей Лазо, – помощь близка.

– Держаться, конечно, можно, – поморщившись, покачал перебинтованной головой Зиновий Метелица, – но я согласен с товарищем Богомялковым, что семеновские пушки смешают нас с землей. Но если что, то я лично поведу в атаку свой Аргунский полк. Мы умрем, но не отступим...

– погоди, товарищ Метелица, – остановил его Прокоп Атавин, – умереть мы всегда успеем. Вот товарищ Лазо сказал, что помощь близка. Дождемся питерских товарищей и удадим по Семенову так, чтобы и духу его на нашей земле не осталось.

– Товарищ Бесоев сегодня утром был в Иркутске, – Сергей Лазо попытался ободрить своих собеседников, – а это ведь совсем рядом.

– погодите, товарищи, – Георгий Богомялков с сомнением посмотрел на Лазо, – ведь даже если утром он и был в Иркутске, то это совсем не обязательно, что он поспеет к нам сюда вовремя.

В этот момент в пакгауз заглянул человек в кожаной тужурке и в фуражке железнодорожника.

– Простите, товарищи, что отвлекаю вас, – сказал он, – но из Читы только что передали по телеграфу, что через станцию, не останавливаясь, проследовали бронепоезд «Путиловский большевик» и состав с батальоном Красной гвардии. Читинские товарищи просили передать вам, что бронепоезд и состав с войсками тянут аж по два паровоза.

– Спасибо, товарищ, – кивнул Сергей Лазо и, повернувшись к своим командирам, сказал: – Вот видите, товарищ Богомялков, часов через десять-одиннадцать, то есть как раз к рассвету, товарищ Бесоев вместе с бронепоездом и красногвардейцами должен быть уже здесь. Передайте всем – помощь близка. А вас, товарищ Метелица, я попрошу не горячиться и ударить со своими аргунцами лишь тогда, когда банда есаула Семенова будет совершенно расстроена. Мы и так за эти дни потеряли слишком много своих людей. Лишние жертвы нам совершенно ни к чему.

– Вот это верно, товарищ Лазо, – одобрительно кивнул Георгий Богомялков, – но как там оно будет – покажет утро. А сейчас, надеясь на лучшее, на всякий случай надо готовиться к худшему, и по возможности исправить разрушенные снарядами окопы. Это нам еще повезло, что у Семенова не оказалось ни одной гаубицы. Тогда бы всем нам пришлось туго.

– Да, вот еще что, товарищ Метелица, – добавил Сергей Лазо, – постарайтесь взять живыми хотя бы несколько японцев, если они там, конечно, есть. Это чрезвычайно важно с политической точки зрения. Надо, чтобы народ увидел своими глазами, что воюем не с русскими, а с пришедшими на нашу землю иностранными захватчиками.

4 февраля 1918 года, раннее утро. Забайкалье, станция Борзя

Едва только предрассветные сумерки сменили ночную мглу, как японские полевые пушки загрохотали с новой силой. И тут, где-то в районе станции Шерлова гора, где железная дорога на Читу проходит в глубокой ложбине, из-за увала показались густые клубы дыма двух паровозов, с натугой тянувших тяжелый бронированный состав. Самого бронепоезда еще видно не было – перепад высот между гребнем увала и дном ложбины, по которой проходил железнодорожный путь, составлял аж тридцать с лишним аршин. В такую яму способен «провалиться» не только бронепоезд, но и восьмиэтажный дом.

Четверть часа спустя серая, в белых маскировочных пятнах, громада бронепоезда наконец-то выбралась на увал и, проехав еще примерно с версту, завизжала тормозами. Отсюда позиции семеновцев на круто поднимающемся к Нерчинскому хребту противоположном берегу Борзи были видны как на ладони. А ведущая бешеный огонь по защитникам станции японская артиллерия еще и подсвечивала себя частыми вспышками выстрелов. В башенке над командирским вагоном балтийский матрос-дальномерщик приник к окулярам трехметрового стереоскопического дальномера.

– Чего они там застряли?! – с разочарованием произнес наблюдающий в бинокль за бронепоездом Георгий Богомягков.

– Дистанция семьдесят шесть кабельтовых! – выкрикнул дальномерщик на бронепоезде. – Основное направление стрельбы двенадцать градусов, возвышение цели треть кабельтова!

Командир бронепоезда лейтенант Степанов ввел данные в механический ПУС Гейслера и скомандовал:

– Головное, фугасным, один снаряд. Выстрел!

Яркая вспышка выстрела 130-миллиметрового морского орудия разорвала предрассветные сумерки. Жалобно завизжали тормоза броневгона и лязгнули сцепки, принимая на себя отдачу. Двадцать секунд спустя метрах в пятидесяти перед позициями японской артиллерии встал столб вздыбившейся мерзлой земли, подсвеченный изнутри багровым пламенем разрыва.

– Недолет, – произнес дальномерщик на бронепоезде, – один больше.

– Вижу, – сказал лейтенант Степанов и, оторвавшись от командирского перископа, ввел поправку, после чего головное орудие произвело еще один выстрел. На этот раз снаряд лег так, как надо – прямо между двумя орудиями японской батареи. Там уже поняли, что сейчас их будут убивать, и лихорадочно пытались свернуть позиции, чтобы уйти из-под обстрела. Но было уже поздно.

Бронепоезд перешел на беглый огонь из всех шести своих орудий: двух – калибром 130 миллиметров и четырех – калибром 102 миллиметра. Даже если бы японским артиллеристам и удалось сняться с позиции, то укрыться на ровной местности, плавно поднимающейся к Нерчинскому хребту, им было негде. Да и град обрушившихся на них с запредельной для полевых орудий дистанции тяжелых морских снарядов не оставлял никаких шансов на спасение.

Минуты три такого обстрела, и на позициях японской батареи сверкнула яркая багровая вспышка. Земля вздрогнула, раздался тяжелый грохот, и в небо взметнулось огромное, черное как смоль, похожее на огромный гриб-поганку, облако. Видимо, пользуясь ночным затишьем, японцы натаскали на позиции с 81-го разъезда запас снарядов побольше. А шимоза – штука

нежная, грубого обращения не переносит. Вот и рванул весь японский боезапас от случайного попадания, разметав все вокруг.

Сразу после взрыва бронепоезд прекратил на время огонь, потому что стрелять было больше уже не во что и не в кого. Минуту спустя белыми струями пара фыркнули оба локомотива, и серая стальная громада сухопутного крейсера тронулась с места. С обманчивой неторопливостью бронепоезд двинулся в сторону станции, а за ним, из-за увала, показался еще один поезд, на это раз составленный из классных вагонов, теплушек и открытых платформ.

– Солидные, как я погляжу, в Петрограде товарищи, – одобрительно покачал головой Зиновий Метелица, обращаясь к слегка оглушенному взрывом Георгию Богомякову. – Пять минут работы, и все. Японских батарей словно и не было.

Есаул Семенов, наблюдавший за боем с высоты пригорка у 81-го разъезда, был вне себя от ярости. Совсем недавно ему казалось, что основные силы большевиков вот-вот будут разгромлены и станция Борзя взята, после чего перед ним откроется дорога на Читу. И вот теперь все вдруг переменялось. Семенов имел немалый боевой опыт и прекрасно понимал, что никаких средств против бронированного монстра, вооруженного тяжелыми морскими орудиями, у него нет. Полевые пушки, даже если бы они у него еще и оставались, способны взять эту громадину только из засады в упор. Но такую роскошь противник ему вряд ли позволит. А значит, надо спасать то, что еще можно спасти. Следует незамедлительно отступить на ту сторону Нерчинского хребта и, укрепившись на перевале, просить у своих узкоглазых покровителей еще пушек, солдат, бронепоездов и, чем черт не шутит, аэропланов. Есаул сплюнул, развернул коня и вместе со своей свитой постарался поскорее убраться с опасного места. А то большевики на бронепоезде обратят внимание на группу торчащих на пригорке всадников и «приласкают» их парочкой фугасов.

Тем временем бронепоезд Красной гвардии, почти не задержавшийся на станции, пошел вперед, огнем пушек и пулеметов рассеивая семеновскую пехоту и кавалерию. Остановился он, только с полверсты не доезжая до 81-го разъезда. А с флангов в эту кутерьму, как и планировал Лазо, с гиканьем и свистом врубилась аргунцы.

Пока бронепоезд героизмовал, разгоняя разгромленные семеновские банды, второй состав вкатился на станцию Борзя. Оба паровоза шумно выдохнули, окутались паром, лязгнули тормоза, и эшелон замер на месте. Открылась дверь первого вагона, и на перрон легко соскочил худощавый молодой человек кавказской наружности, одетый в серый пятнистый бушлат, перетянутый ремнями офицерской португепи, и белую лохматую папаху с красной звездочкой. Оценив его выправку, Сергей Лазо решил, что это офицер-фронтовик, к тому же, скорее всего, кадровый, а не военного времени, как он.

– Здравствуйте, товарищи, – приветствовал незнакомец Сергея Лазо и Георгия Богомякова, – я – Бесоев, а вот мой мандат, подписанный товарищами Сталиным и Лениным.

– Здравствуйте, товарищ Бесоев, – Лазо чуть было, по старой привычке, не приложил руку к своей папахе, – комиссар Забайкальской бригады Красной гвардии Лазо. А это наш начальник штаба, товарищ Богомяков. Должен сказать, что появились вы удивительно вовремя. Эти семеновские пушки нас чуть было совсем не доконали. А вот товарищ Богомяков не верил...

– Был грех, товарищ Бесоев, – смущенно улыбнулся Георгий Богомяков, – и правда не верил. Но вы убедили меня, аки Фому неверующего. Извините, если что. Теперь же надо срочно решать – что нам дальше делать с Семеновым и его бандой.

– Извиняю, товарищ Богомяков, – сказал Бесоев, – а вот подход к делу у вас совершенно правильный. Товарищи, есаул Семенов и есть основная цель моего визита в ваши палестины. Этот человек, обладая определенным влиянием на кое-кого из казаков, а также всеми фибрами души ненавидя власть большевиков, собирает вокруг себя все местные контрреволюционные силы. На него, как на своего послушного холуя, уже сделали ставку японцы, которые не пожа-

леют ни сил, ни денег для его поддержки. Поэтому главная задача, поставленная передо мною правительством – это взять есаула в плен или, на худой конец, уничтожить. Ибо пока он жив и на свободе, то покоя в здешних краях не будет.

– Это-то и мы понимаем, – кивнул головой Георгий Богомягков, – только вся закавыка заключается в том, как это сделать. Лично в бой свои сотни, как, к примеру, товарищ Метелица, он не водит.

– Для этого дела, – улыбнулся Бесоев, – у меня есть взвод специально подготовленных и вооруженных бойцов. От вас нужны лишь надежные проводники, знающие окольные тропы через хребет, и сведения о том, где есаул держит свой штаб. А уж дальше мы как-нибудь сами управимся.

– Штаб у Семенова, как сообщили пленные, находится на станции Даурия, – сказал Георгий Богомягков. – Людей надежных мы вам тоже дадим. Пошлем с вами одну-две сотни казаков из Аргунского полка. Они люди местные, знают здесь каждую тропку, да и сотня-другая сабель вам тоже не помешает.

– Очень хорошо, товарищ Богомягков, – кивнул Бесоев. – А вы, пока мы будем заниматься Семеновым, соберете еще людей, подучите их. Потом, когда все будет готово и мы покончим с Семеновым, вы по нашему сигналу при поддержке бронепоезда, артиллерии и броневиков ударите через перевал, чтобы разгромить и уничтожить всю его банду. И берегите людей, товарищи. Каждый надежный боец у нас на счету. Так что даже размен одного нашего на десять семеновских архаровцев для нас цена неприемлемая.

– Да, – согласился Сергей Лазо, – мы так, пожалуй, и сделаем. Но, товарищ Бесоев, вы сейчас сказали про артиллерию и броневики. Вы их тоже привезли с собой из Петрограда?

– Как вам сказать, товарищ Лазо, – сказал Бесоев, – броневики мы действительно везли с собой из самого Петрограда. А четыре трехдюймовки мы конфисковали для вас в Екатеринбург. Правда, наводчиков для них у нас нет, да и снаряды только шрапнельные.

– Царский подарок! – воскликнул обрадованный Богомягков. – За пушки вам, товарищ Бесоев, отдельное спасибо. Наводчиков же к ним мы обязательно найдем. Есть среди нас товарищи, которые на войне с германцами служили в артиллерии.

В этот момент к разговаривающим командирам подъехал на коне Зиновий Метелица, с перекинутым поперек седла низкорослым человеком в русской офицерской меховой бекеше.

– Тю, – удивился Георгий Богомягков, – неужто ты, Зиновий, поймал самого есаула Семенова?

– Да нет, – смеясь, ответил Зиновий Метелица, спрыгнув с коня и ставив на землю своего пленника, – японец это, хотя и в русском мундире. Драпал от нас, как заяц, да так, что хрен догонишь. Но от моей нагайки еще никто не уходил. Да, а что это за товарищ тут с вами?

– Знакомься, товарищ Метелица, – представил Сергей Лазо посланца из Питера, – это тот самый товарищ Бесоев, которого мы так долго ждали.

– Раз познакомьтесь, товарищ Бесоев, – широко улыбнувшись, ответил Зиновий Метелица, – ловко вы тут семеновскую банду приглубили. Долго теперь есаул будет вспоминать пушки вашего бронепоезда.

– Товарищ Бесоев, – сказал Георгий Богомягков, – прибыл к нам с особым заданием. Но об этом мы поговорим чуть погодя. Сейчас надо решить – что делать с твоим пленником. Он по-русски понимает?

Японец, который до того момента молча слушал их разговор, щуя свои раскосые глаза, неожиданно заговорил, хотя и на ломаном, но вполне понятном русском языке.

– Я капитан японской императорской армии Окуномия, – произнес он, – и вы должны относиться ко мне со всем надрежающим почтением и немедленно отпустить меня на волю.

Зиновий Метелица, Сергей Лазо, Георгий Богомягков и подъехавший к ним чуть позже Фрол Балябин уставились на японца, словно увидели говорящую по-человечески Валаамову ослицу. Вишь ты, животинка не только заговорила, но еще и ставит им условия.

– Окуномия-сан, – ответил тому Бесоев, – со всем почтением к вам мы должны были бы относиться, если бы вы были в японском мундире, а ваш император официально объявил бы советской России войну. А так как нет ни того, ни другого, то сейчас для нас вы обыкновенный бандит, и разговор с вами тоже будет как с бандитом, пойманым на месте преступления. Вопросов же к вам у нас накопилось немало.

– Японский офицер умеет терпеть боль, – гордо вскинув голову, ответил Окуномия, – я ничего вам не расскажу.

Николай Бесоев нехорошо усмехнулся, и японец вдруг понял, что он имеет дело не с культурным европейцем, а с таким же восточным человеком, как и он сам – необузданным в своих страстях и в то же время холодно-расчетливым.

– А кто вам сказал, Окуномия-сан, что мы будем делать вам больно? – притворно удивился Бесоев. – Совсем нет. К вам никто и пальцем не притронется. Мы просто введем один хитрый препарат, после чего вы расскажете нам все, что знаете, думаете, и что предполагает ваше начальство. Впрочем, излишние подробности о нашей предстоящей беседе вам ни к чему. Скажу только, что она будет для вас весьма познавательной.

– А что, товарищ Бесов, – тихо спросил посланца из Петрограда Сергей Лазо, когда японца увели, – теперь можно и так допрашивать «языков»?

– Можно, – лаконично ответил Николай Бесоев, – теперь много чего можно, если, конечно, это нужно для дела.

Тем временем над цепью горных хребтов все выше и выше поднималось большое красное солнце. Начался новый день, полный новых трудов и хлопот. Все еще было впереди.

6 февраля 1918 года, вечер. Тифлис, железнодорожный вокзал. Штабной поезд корпуса Красной гвардии. Генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович

«Недолго продолжался бой: бежали робкие грузины!» Со времен Михаила Юрьевича Лермонтова в этих краях так ничего и не изменилось. Впрочем, Вячеслав Николаевич Бережной, который, оказывается, тоже имел счастье повоевать с «непобедимой грузинской армией», сообщил, что и в его время солдаты этой армии удирали от российских солдат, как он выразился, «впереди собственного визга».

В общем, Национальный Совет Грузии, возглавляемый Ноем Жордания, не смог выстоять против наших войск и неделю.

Что такое Национальный Совет Грузии? Это собрание социал-демократов грузинской национальности, про которых Михаил Васильевич Фрунзе выразился так, что даже я, старый солдат, не смогу повторить эти слова. Впрочем, формально Грузия входила в некий, неудобоговоримый орган краевой власти – Закавказский Комиссариат. Создан он был уже после отставки «душки Керенского», чтобы отмежеваться от правительства Сталина в Петрограде.

Поначалу в этот Комиссариат входили представители трех псевдогосударств: Грузии, Армении и Азербайджана. Но сам этот, прости меня, Господи, орган напоминал крыловских лебедя, рака и шуку. У каждого были свои политические предпочтения. Грузия ориентировалась на немцев, Армения – на англичан, ну а Азербайджан – на Турцию. Но стараниями эскадры адмирала Ларионова и войск Красной гвардии полковника Бережного Германия вышла из войны и, по условиям Рижского мира, отказалась от поддержки всех сепаратистов на территории бывшей Российской империи, Англия, может, и хотела бы поддержать дашнаков – армянских националистов, но ей сейчас было не до этого, а Турция... С Турцией у нас будет отдельный разговор...

К тому же господа из Комиссариата предъявляли друг к другу претензии, в том числе и территориальные. Только вот кто должен был охранять границы этого новообразования? Никто не хотел воевать, а Кавказская армия к тому времени стремительно теряла боеспособность. Войска с фронта уезжали эшелонами. Через Тифлис они двигались в Баку, чтобы оттуда по железной дороге или морем попасть в Россию. Но вооруженный сброд, именуемый грузинской армией, пытался остановить эти эшелоны и отобрать у самодемобилизированных солдат оружие, а заодно и все их ценные вещи.

Грузинское воинство было настроено весьма воинственно. Дело дошло до того, что в январе этого года один эшелон, следовавший в Баку, был обстрелян артиллерией с грузинских бронепоездов, а второй – пущен под откос вместе с ехавшими в нем людьми. В ответ следовавший за ним эшелон с частями пехотной дивизии выгрузился из вагонов неподалеку от места крушения и огнем и штыками проложил себе дорогу на Баку.

И вот эти клоуны собирались окончательно провозгласить отделение Грузии от России и начать строить свою государственность, а точнее, словно соержанка, найти себе богатого покровителя.

Но вернемся к тому, что произошло неделю назад. Наш десант, высаженный на рассвете двадцать девятого января в Поти, стал для властей Закавказского Комиссариата полнейшей неожиданностью. Кораблям поддержки даже не пришлось открывать огонь по берегу. Пароходы просто вошли в гавань, пришвартовались к пирсу – ошеломленные всем происходящим грузинские солдаты, несущие службу в порту, даже помогли принять швартовы – и без единого выстрела высадили первую волну десанта. Прикрывавшая порт батарея, состоящая из двух шестидюймовых гаубиц образца десятого года и четырех полевых трехдюймовок, оказалась брошенной своими расчетами и была захвачена в полной целостности и сохранности. На ней не были вскрыты даже ящики с боеприпасами. Очевидно, что ее расчеты, испуганные видом мрачно дымившего на рейде дредноута одновременно под Андреевским и красным флагами предпочли уйти по-английски, не прощаясь.

– Ну вот, кажинный раз на этом самом месте, – саркастически улыбнувшись, сказал Вячеслав Николаевич. Оказалось, что он один раз уже принимал участие в подобной десантной операции, там у себя в будущем, против того же противника и с тем же успехом.

Еще трое суток пришлось потратить на погрузку-разгрузку техники и перевозку войск между Новороссийском и Поти. Особые хлопоты при этом доставили бронированные вагоны поездов, для которых на палубах пароходов были настланы рельсы. Грузили их на причале, принадлежавшем Владикавказской железной дороге, паровым подъемным краном в пять тысяч пудов грузоподъемности, предназначенным для погрузки-разгрузки тяжелых паровозов. При этом Вячеслав Николаевич последними словами крыл наших тупых чинуш, не удосужившихся обзавестись на Черном море хотя бы одним морским железнодорожным паромом для прямой связи железных дорог Закавказья и юга России.

Оказалось, что паромы – это не какое-то изобретение будущих времен, а самая что ни на есть наша современность. На Балтике до войны такие паромы связывали Швецию и Финляндию, а в Америке с середины прошлого века ходили по Великим озерам. Даже у нас на Байкале были два железнодорожных парома ледового класса – «Ангара» и «Байкал».

После того как корпус был полностью высажен в Поти, утром первого февраля мы выступили в направлении Кутаиса. Закавказский Комиссариат к тому времени успел спешно созвать в Тифлисе так называемый Закавказский Сейм, который объявил о создании полностью независимой от России Закавказской Федерации и о русском военном вторжении на ее территорию. Он обратился за помощью к мировым державам, то есть, читай, Британии и Франции. Эти несчастные даже успели объявить что-то вроде всеобщей мобилизации, но все было тщетно. Правительство в Петрограде, в лице господина Чичерина, объявило, что оно не признает само-

званные власти Закавказья, и дало мятежникам три дня на то, чтобы одуматься, сложить оружие и самораспуститься.

В этот же день мы узнали, что одновременно с провозглашением независимости Закавказской Федерации в Тифлисе состоялся организованный местными большевиками мирный митинг протеста, который был расстрелян из винтовок и пулеметов грузинскими вооруженными формированиями из состава дислоцированной в Тифлисе так называемой 2-й дивизии.

Одновременно с занятием нами Кутаиса, где передовым частям пришлось даже немного пострелять, второго февраля в Абхазии и Горийско-Душетском округах полыхнули просоветские и антигрузинские восстания, а почувывший сопротивление Вячеслав Николаевич буквально осатанел, и сдержать его не смог даже господин Фрунзе.

– Воевать надо так, как говорил генералиссимус Суворов, – сказал он. – «Кто против меня – тот мертв». Недорубленный лес опять вырастает. Если кто-то оказывает вооруженное сопротивление – вести бой на полное уничтожение противника.

Впрочем, случаев вооруженного сопротивления оказалось не так уж и много. Основная часть Грузинского армейского корпуса – так пышно именовалось местное воинство – воевать с нами не хотела и либо разбегалась по родным селам, либо сдавалась в плен. Таких мы, разоружив, тут же отпускали по домам, так как пленные нам были ни к чему.

Более или менее серьезное сопротивление грузины под командованием подполковника Манзиашвили попытались оказать нам только на перевалах на Военно-осетинской дороге. Но и тут наспех сформированные отряды не смогли устоять перед натиском прекрасно обученных бойцов нашего корпуса, поддерживаемых огнем морских орудий бронепоездов и тяжелых шестидюймовых гаубиц. При штурме перевалов Манзиашвили был убит осколком гаубичного снаряда, а его войска рассеялись и бежали.

Пятого февраля наш корпус уже вошел в Гори, а сегодня утром, шестого, на плечах удирающей из-под Цхинвала грузинской карательной группировки ворвался в Тифлис. После того, что мы увидели в осетинских селах неподалеку от Гори, даже обычно выдержанный и спокойный господин Фрунзе махнул рукой и разрешил Вячеславу Николаевичу действовать по собственному усмотрению. Впрочем, особо тот не свирепствовал, а к проявляющему к нам лояльность грузинскому простонародью отнесся и вовсе с отеческой добротой.

Кстати, самозванное руководство так называемой Закавказской Федерации при приближении наших частей разбежалось. Татарские мусаватисты подались к своим соратникам в Елизаветполь, армянские дашнаки спешно выехали в Еривань, а местные грузинские меньшевики, которым собственно уже некуда было деваться, попрятались по щелям как мыши.

После занятия нами Тифлиса было объявлено, что с момента освобождения закавказских губерний от мятежников-сепаратистов в них сразу же начинают действовать все декреты советской власти, в том числе Декрет о земле и об отмене продовольственной разверстки, что довольно сильно поменяло настроение сельского населения в пользу центрального правительства в Петрограде.

В манифесте, обращенном к грузинскому народу и подписанном наркомом Фрунзе, видным местным большевиком Орджоникидзе и командующим корпусом Красной гвардии полковником Бережным, говорилось, что «красная гвардия пришла на Кавказ не затем, чтобы бороться с живущими здесь народами, а для того, чтобы устранить от власти разного рода проходимцев, которые желают оторвать их от России и тем самым угрожают полным уничтожением со стороны турок».

Военным комендантом столицы Закавказья и начальником тифлисского гарнизона Вячеслав Николаевич назначил полковника Дроздовского, чья Первая стрелковая бригада отличилась в боях на перевалах.

– Михаил Гордеевич, – сказал Дроздовскому полковник Бережной, – завтра с утра мы убываем в Эрзерум вразумлять генерала Пржевальского и наводить там порядок, пока фронт

совсем не рухнул. Вы же остаетесь здесь в Тифлисе, так сказать, на хозяйстве. Не хочу вас учить, но постарайтесь особо не свирепствовать и дозу насилия отмерять по мере сопротивления. Для создания в Тифлисской и Кутаисской губерниях местных органов гражданской советской власти мы оставим здесь Григория Константиновича Орджоникидзе. Постарайтесь с ним сработаться. Он не только видный большевик, но еще и дворянин, а также медик, следовательно, культурный человек. Вот главным врачебным принципом «не навреди» вам и предстоит руководствоваться в своей деятельности. Чуть позже, когда ваша бригада приведет себя в порядок и пополнится, мы вас обязательно сменим на кого-нибудь другого.

– Значит, так, Серго, – сказал Фрунзе Орджоникидзе, – приказ партии тебе ясен. Никаких антисоветских выступлений в тылах Кавказской армии быть не должно, как, впрочем, и никаких левацких перегибов. Приказы, как известно, не обсуждают, а выполняют, поэтому делай все, что можешь, и даже то, чего не можешь. Националистическая меньшевистская сволочь должна быть искоренена раз и навсегда, и над этой задачей вы с полковником Дроздовским должны работать совместно.

Потом Фрунзе посмотрел в мою сторону.

– А вас, Антон Иванович, – произнес он, – я попрошу приготовиться к возможному принятию командования Кавказским фронтом. Мы же, со своей стороны, сделаем все возможное для того, чтобы пресечь разложение и восстановить, насколько это возможно, боеспособность армейских частей. Устроив геноцид армянского и греческого населения турки показали, что они во многом остались варварами, и потому к ним надо и относиться соответственно.

10 февраля 1918 года, вечер. Гельсингфорс. Свеаборг, Старая крепость. Штаб. Полковник Лесков Андрей Николаевич, начальник корпуса пограничной стражи

Весь январь я буквально разрывался на части, мотаясь по территории Финляндии, стараясь в кратчайший срок надежно перекрыть рубежи бывшего Великого княжества. При этом требовалось не только заново организовать пограничную службу, но и создать агентурную сеть в прилегающих к российско-шведской границе селениях.

В этом мне оказал большую помощь представитель ЦК партии большевиков Эйно Рахья. Человеком он был малообразованным, но умным и старательным. У него везде были свои люди. От них-то в штаб корпуса и стали поступать все более и более тревожные сообщения. Внимательно их проанализировав, я позвонил Эйно Рахья и предложил встретиться с ним и с командующим 2-м корпусом Красной гвардии генерал-майором Михаилом Степановичем Свечниковым для того, чтобы обсудить сложившееся положение.

А суть поступившей ко мне информации заключалась в следующем. Весьма подозрительно стали вести себя крупные лесоторговцы и владельцы многочисленных в Финляндии лесопильных заводов, бумажных, целлюлозных, фанерных и катушечных фабрик. Словом, те, кого в народе окрестили «лесными баронами». Выяснилось, что эти люди готовят восстание против советской власти. И это было очень опасно.

«Лесные бароны» – это вам не болтливые интеллигенты, спятившие на почве национализма. Это – *хозяева*. Они не желали терять или делить с кем-то власть, которая безраздельно принадлежала им в их вотчинах: лесных хуторах, селах и мелких городишках. Там эти люди делали что хотели, командуя простыми финскими мужиками – охотниками, лесорубами, рабочими на лесопилках и заводиках. А те, в свою очередь, считали «лесных баронов» своими благодетелями, которые, как им казалось, давали возможность заработать на принадлежащих этим самым «баронам» предприятиях хлеб насущный и получить крышу над головой. Ведь в случае непослушания «лесные бароны» особо не церемонились и безжалостно выбрасывали строптивца со всей его семьей на улицу, подыхать от голода и холода. Вот эти-то простые Пекко и Юхо по приказу хозяев пойдут резать глотки своим соотечественникам. Сами же «лесные бароны» не полезут под пули и будут отсиживаться на своих хуторах.

Все это я рассказал, прибыв в Старую крепость, Эйно Рахье и генералу Свечникову. Нельзя сказать, что мой рассказ их удивил. Они признались мне, что и до них доходили слухи о подозрительной возне «лесных баронов», которые вдруг стали зачем-то скупать оружие, приглашать на коллективные выпивки своих работников, во время которых жаловались на новую власть и стращали доверчивых финских мужиков тем, что, дескать, «советы» собираются отправить всех в Сибирь, а их земли и дома отдать русским.

– Только мне непонятно, – Эйно Рахья задумчиво почесал затылок, – почему «лесные бароны» решили начать восстание именно сейчас, в разгар зимы? Могли бы и до лета подождать. Ведь тогда можно будет надежно укрыться в лесу, на охотничьих заимках, и оттуда совершать свои нападения.

– Ну, тут вы не совсем правы, товарищ Рахья, – возразил я. – Зимний лес для финнов – дом родной. Лесные дороги и тропки засыпаны глубоким снегом. Передвижение возможно лишь на лыжах. А вы видели когда-нибудь финна на лыжах?

Эйно Рахья и генерал Свечников кивнули. Им не надо было объяснять, что лыжи для финна – то же самое, что лошадь для монгола.

– Так вот, попробуйте сунуться с войском в зимний лес, – сказал я. – Не зная местности, не подозревая о заметенных снегом оврагах, камнях и буреломах, можно переломать не только лыжи, но и ноги. Хороший же стрелок, устроившись на удачной позиции, перестреляет половину вашего отряда, прежде чем вы сможете его обнаружить. А вы видели, как охотники орудуют своим «пуукко» – финским ножом? В рукопашной схватке с таким финном вам тоже придется нелегко. Кроме того, очевидно, их торопят из-за границы. Советская власть с каждым днем усиливается, граница укрепляется, и уже в самом скором времени оторвать Финляндию от советской России будет практически невозможно.

– Понятно, – мрачно сказал генерал Свечников. – Так что же вы предлагаете, Андрей Николаевич? Неужели нам остается сидеть сложа руки и оставаться сторонними наблюдателями, дожидаясь, пока не начнется мятеж?

– Нет, Михаил Степанович, – ответил я. – Мятеж легче предотвратить, чем подавить, поэтому сидеть сложа руки нам нельзя. Мы должны сделать все, чтобы не допустить такого развития событий. А чтобы разобраться с «лесными баронами», нам, похоже, придется попросить помощи у товарища Дзержинского. Как мне удалось выяснить, следы от финских лесных хуторов тянутся за границу. Точнее, в Швецию и Норвегию. Впрочем, заправляют там всеми делами не местные контрагенты «лесных баронов», а люди из британской разведки. По моей информации, через филиалы британских банков в Стокгольме и Кристиании прошли крупные суммы денег, переправленные, в свою очередь, финским лесопромышленникам. И местные контрабандисты, опять же, по моим данным, сумели привезти с территории Швеции в Финляндию крупную партию оружия. Что характерно, не британского, а трофейного, германского. Карабины «Маузер», пистолеты «Люгер», пулеметы МГ-08, а также очень много боеприпасов.

– Понимаю, – кивнул генерал Свечников, – британцы, как всегда, стараются убить одним выстрелом двух зайцев. Они вооружают наших врагов, науськивая их на новую власть, и пытаются взвалить всю вину на немцев, с которыми у нас заключен мирный договор. Да, англичане издавна славятся своим коварством и подлостью.

– Именно так, Михаил Степанович, – сказал я. – Потому я и хочу обратиться к товарищу Дзержинскому. Необходимо с помощью наших людей в Норвегии и Швеции выйти на посредников, через которых «лесные бароны» получают британские деньги и оружие, и предупредить их, что если они продолжат свою деятельность, направленную против советской России, то у них в самом ближайшем будущем начнутся крупные неприятности. И не только финансовые.

– А нам что делать с самими «лесными баронами»? – спросил Эйно Рахья. – Ну, перестанут к ним поступать деньги и оружие. Так ведь у них и своих денег хватает. Да и оружие

какое-никакое имеется. У каждого охотника есть ружье, а то и не одно. А стреляют они – белке в глаз попадают...

– С охотниками и лесорубами, – сказал я, – вам, товарищ Рахья, придется поработать лично. Используйте для этого всех ваших однопартийцев-финнов. Пусть они разъяснят простым людям, что «лесные бароны» их обманывают и советская власть никого в Сибирь выселять не будет. И что восстание, если оно и случится, будет подавлено самым решительным образом, но при этом прольется кровь, очень много крови. Что же касается самих «лесных баронов», то нам без помощи уполномоченного Совнаркома генерал-майора Маннергейма никак не обойтись. У него есть немало знакомых среди промышленников и предпринимателей бывшего Великого княжества Финляндского. В их числе и «лесные бароны». Надо попросить Густава Карловича пригласить некоторых из них – самых рассудительных и влиятельных – к нам для беседы. Эти господа хорошо умеют считать и деньги, и риски. Им следует объяснить, что в случае, если начнется мятеж, в Финляндии будет введено военное положение со всеми вытекающими из этого последствиями. То есть судомпроизводством будут заниматься революционные трибуналы – это нечто вроде военно-полевых судов времен премьера Столыпина. А что прикажете делать – на войне как на войне. Пусть даже эта война и гражданская...

Эйно Рахья одобрительно кивнул, а я продолжил:

– Кроме того, господ «лесных баронов» следует предупредить, что все движимое и недвижимое имущество тех, кто в той или иной степени примет участие в мятеже, будет конфисковано или национализировано, а сами они расстреляны или высланы в места пострашнее Сибири. Товарищ Держинский сказал мне, что в Совнаркоме находится на рассмотрении проект Декрета о военном положении где предусмотрены именно такие санкции в отношении тех, кто открыто выступит с оружием в руках против советской власти или примет участие в организации мятежей. Так что мы в данном случае отнюдь не будем блефовать. И возможно, что Финляндия может стать первой территорией, на которой начнут действовать положения этого декрета. Хотя нам очень не хочется стать в этом деле первооткрывателями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.